

Ида Мартин

ВРЕМЯ·ВЕТЕР·ВОДА

ВСЁ ТЕЧЁТ, ВСЁ МЕНЯЕТСЯ

Виноваты звезды

Ида Мартин

Время. Ветер. Вода

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мартин И.

Время. Ветер. Вода / И. Мартин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Виноваты звезды)

ISBN 978-5-17-117251-1

Все началось с голубя? Или, быть может, с разорванных джинсов? Этого Вита точно не знает. Впервые за свои шестнадцать лет оставшись на целый месяц без родителей, Вита вынуждена не только в одиночку противостоять травле одноклассников, но и впустить в свою тихую, домашнюю жизнь троих ребят, стремительно вовлекших её в бурный водоворот событий, тайн и чувств. Это знакомство, неожиданное путешествие и головокружительная любовь окажутся серьёзным испытанием для скромной, доверчивой девушки с прекрасным воображением и открытым сердцем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-117251-1

© Мартин И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ида Мартин

Время. Ветер. Вода

*Все течет, все меняется. И никто не был дважды
в одной реке.
Ибо через миг и река была не та, и сам он уже не
тот.*

Гераклит

Глава 1

Ольга Леонидовна вошла в мою комнату, с интересом оглядела развешанные над кроватью постеры, квадратный стеллаж с мягкими игрушками, письменный стол и узкие белые полки, заставленные книгами. Подошла к зеркалу на комод, заглянула в него и удовлетворенно резюмировала:

– Уютно тут у тебя.

Все это время я тайком разглядывала ее. Высокую, с узким лицом, в длинном темно-синем платье до колен и с тонкими золотыми часами на руке. От нее пахло сладкими благоуханиями, а светлые волосы, остриженные под каре, лежали безупречно.

Закончив изучать комнату, она опустилась в широкое кресло из гостиной, принесенное сюда специально для нее, и доброжелательно улыбнулась:

– Ну что ж, я готова. А ты?

Я кивнула, собираясь с духом.

– Тебе удобно? – поинтересовалась она.

– Само собой, – я поправила лежащий на коленях ноут. – Это же моя кровать, мне в ней всегда удобно.

– Надеюсь, ты будешь со мной достаточно откровенна и подробно расскажешь все, что случилось.

– Да, конечно, хотя я все уже рассказывала маме.

– Мама – это мама, – Ольга Леонидовна заговорщицки подмигнула, – а я – это я. Со мной ты можешь не стесняться. Поверь, я хочу помочь. И давай заранее договоримся: если вдруг не захочешь о чем-то говорить, просто скажи об этом, и я не стану тебя мучить.

Дверь в комнату медленно приоткрылась, и мама торжественно внесла поднос со стаканами, графином с водой и большой миской фруктов.

– Это чтобы вы не умерли с голоду, – поставив поднос на тумбочку, она поцеловала меня в щеку. – Расслабься, все будет хорошо. Просто будь собой.

Я проводила ее взглядом.

– Не знаю, с чего начать, – сказала я в ответ на молчаливый вопрос в глазах Ольги Леонидовны. – С потолка? Или с самой поездки? Или лучше с голубя?

– Не нужно торопиться, – она ободряюще покивала. – Давай по порядку. С самого начала. Так, как у тебя записано. А если вдруг будет что-то непонятно, я спрошу.

– Хорошо, – я раскрыла экран. – Только это надолго.

– Без проблем. Я полностью в твоём распоряжении.

С Викой мы познакомились в середине марта, а к маю она уже исчезла из моей жизни навсегда. Все произошло очень быстро, но тот отрезок времени показался мне вечностью.

Порой я пытаюсь представить, как бы все сложилось, не встретить я ее, но это никогда толком не получается, потому что без Вики ничего бы не случилось. Совсем ничего из того, что есть сейчас. А я слишком дорожу этим, чтобы запросто вычеркнуть из своей памяти. Просто Вика была Викой, и винить ее – все равно что упрекать дождь в том, что ты промок, забыв дома зонт.

И все-таки все началось с голубя.

За окном в палисаднике ветер нещадно трепал тонкие ветви кустов, забирался за воротник торопливых прохожих, гнал густые чернильные облака. И они то сиротливо сбивались вместе безвольным табуном, то испуганно шарахались в стороны, открывая далекий бледно-розовый просвет. Чистый и манящий, как мои смутные ожидания чего-то необъяснимого.

– Вода – лучший растворитель полярных веществ. Для которых, как вы знаете, характерны высокая диэлектрическая проницаемость, повышенная температура кипения и плавления, – каждое свое слово Марина Олеговна отбивала ритмичным ударом указательного пальца о нашу парту. – Молекула растворяемого вещества окружается молекулами воды.

Батареи топили по полной, и жара в классе стояла невыносимая. Лишь благодаря приоткрытой створке окна возле учительского стола мы могли хоть как-то дышать.

Из-за этой духоты страшно хотелось спать, и, если бы не чудесное небо, мои глаза давно закрылись бы в дремотном, бессознательном забытии, куда бодрый, но монотонный голос химички уже вряд ли смог проникнуть.

Однако Эля, перед которой то и дело мелькал коралловый маникюр Марины Олеговны, изнывала, не имея возможности даже порисовать в тетрадке. А ведь сама вечно рвалась за первую парту – репутацию зарабатывать.

Вот только с нашими репутациями давно все было ясно. Я – махровая ботаничка, она – полумахровая. Разница в том, что у нее получалось находить общий язык с нашими одноклассниками, а у меня нет. То было давнее, устоявшееся положение, с каждым годом принимающее все более резкую форму обоюдного неприятия. И чем сильнее я отгораживалась от этих типов, тем настырнее они ко мне цеплялись. Эля считала, что я сама даю повод, но объяснить, каким образом, никогда толком не могла.

– Кто помнит, что такое когезия? – Марина Олеговна выжидающе уставилась на нас с Элей.

Еще бы – ее все равно никто, кроме нас, не слушал. Кто спал, а кто довольно громко обсуждал вовсе не химические процессы.

– Это взаимное притяжение молекул, – охотно отозвалась Эля, не вставая.

Именно ради таких моментов она садилась на это место и терпела летающий палец.

– Вита? – Химичка перевела взгляд на меня.

У нее были тонкие прямые волосы и большие круглые глаза.

– Это притяжение атомов и молекул внутри одной фазы. Когезия характеризует прочность тела и его способность противостоять внешнему воздействию.

Я сама не очень понимала, где все это в моей голове хранилось, но при первом же запросе произвольно всплывало само собой.

– Уже лучше, – одобрила химичка, перемещаясь наконец к доске и хватаясь за мел.

– Слышь, жирная, – в наступившей тишине издевательский голос Дубенко прозвучал на редкость гнусно. – У тебя как с когезией?

Все тут же заржали, и Марина Олеговна строго обернулась. Однако действия ее взгляда хватило на пару секунд.

– Так как насчет прочности тела? – подхватил шутку Зинкевич, как только она вернулась к своей схеме на доске.

Эля тихонько приникла к моему уху:

– Просто улыбнись, сделай веселое лицо, и им будет уже неинтересно.

– Не хочу, – я закрыла уши ладонями.

– Ну и зря, – она осуждающе отстранилась. – Сейчас начнется.

Формально Эля все еще оставалась на моей стороне, хотя я точно знала, что она стыдится нашей дружбы.

– Че за игнор, жирная? – подключился Тарасов.

– Задумалась насчет способности противостоять внешнему воздействию, – встряла Савельева, которая из кожи вон лезла, чтобы выпендриться перед Дубенко и его компанией.

– Давай мы тебя протестируем, – не унимался тот.

– Испытаем, – поддакнул Тарасов.

– У нее теперь без жира прочность уменьшилась, – сострила Савельева.

Сев на своего любимого конька, отказываться от развлечения они не собирались. Я уже два года как не была не то что жирной, а даже толстой или полной. Я была худее Эли и Савельевой, но называть меня так они все равно продолжали, потому что когда-то это расстраивало меня до слез.

Дубенко перевели в десятый класс из-за мамы – сотрудницы районного отделения полиции. Учился он плохо, а вел себя еще хуже. Физически Дубенко был крепким парнем, но на лицо некрасивый: прыщавый, широконосый, с вечно припухшими близко посаженными глазами и низким, хмурым лбом. И все же благодаря авторитету местные девчонки выстраивались в очередь за его вниманием, а Зинкевич и Тарасов изо всех сил старались выслужиться перед ним.

Зинкевич напоминал глупую, беснующуюся и рвущуюся с поводка собаку. Тарасов же особенно поражал отсутствием каких-либо признаков воспитания и интеллекта.

Всеобщий глум на тему меня и когезии разгорался. В спину несколько раз что-то кинули, а обзывательства становились все грубее. Марина Олеговна, как и я, старалась сделать вид, что ничего не происходит.

Внезапно посреди всеобщего веселья створка приоткрытого окна покачнулась, и, шумно хлопая крыльями, в класс влетел голубь. Девчонки завизжали, парни обрадовались. Голубь сделал круг под потолком, тщетно ткнулся в закрытые окна и благополучно приземлился на высокий книжный шкаф со стеклянными дверями.

Перепугавшись, Марина Олеговна принялась кричать: – Выгоните его, – но, после того как парни с радостным гиканьем бросились к шкафу, тут же завопила: – Отойдите от шкафа! – подбежала к ним, распахала по своим местам и помчалась звать на помощь охранника.

Однако после ее ухода «охота на дичь» возобновилась с новым рвением. Дубенко схватил с парты Исаковой учебник и, не вставая, метнул в голубя; учебник стукнулся о потолок, чуть не сбил светильник и шлепнулся возле двери. Следом Зинкевич кинул ластик, затем ручку. К обстрелу подключились и другие. Голубь забился в самый угол и жался там.

Несколько человек забрались на парты и начали снимать происходящее на камеру. Савельева притащила швабру, залезла на стул и пошуровала по верху шкафа палкой.

Это подействовало. Птица в панике вылетела из угла, заметалась и, с силой врезавшись в стекло, упала под подоконником.

Мы с Элей вскочили, а «охотники» сгрудились вокруг голубя в узком проходе между стеной и крайним рядом возле окна.

– О! Сдох, что ли? – Тарасов потрогал голубя ногой. – Савельева, ты птицу грохнула.

Та потыкала голубя шваброй. Его голова мотнулась в сторону.

– Это не я. Он сам. Больной, наверное.

– Фу-у-у, – гнусаво протянула Исакова. – Больной и заразный.

– Он не больной, – не выдержала я. – Ударился сильно и сознание потерял. Нужно его аккуратно вынести, и он отойдет.

– Сознание потерял! – передразнил Зенкевич мерзким голосом. – У голубя случился обморок!

Они дружно закатились, после чего Дубенко сказал:

– Слышь, жирная, иди сюда, сделай ему искусственное дыхание. Рот в клюв. А хочешь, мы тебе его с собой завернем?

И не успела я и глазом моргнуть, как мой рюкзак, висевший на спинке стула, оказался у них в руках.

– Не нужно, пожалуйста, – я попыталась подойти к ним, но Тарасов, сидевший через две парты от меня, выставил ногу в проход, преграждая дорогу.

Я попробовала перешагнуть, но он поднял ногу выше – так, что я уже чуть ли не сидела на ней. Возбужденные голоса слились в общий хаотичный гомон:

– Ай! Он шевелится.

– Огрей по башке!

– Крыло мешается.

– Толкни сильнее.

– Прекратите его мучить! – Я отчаянно пыталась сдвинуть ногу ехидно ухмыляющегося Тарасова. – Он ведь живой и ему больно!

В этот момент дверь резко распахнулась и сначала в класс ворвалась Марина Олеговна, а за ней охранник. Здоровый парень лет двадцати пяти.

– Вон там, – химичка ткнула пальцем в шкаф, затем перевела взгляд на толпу возле подоконника. – Что вы делаете?

Охранник залез на стул, заглянул на шкаф и развел руками:

– Никого нет.

– А голубь? – растерянно протянула химичка.

– Улетел, – Дубенко махнул рукой. – Сам. В окно.

– Ну слава богу, – Марина Олеговна с облегчением выдохнула. – А то ведь это так неприятно: птица в помещении. Плохая примета.

После ухода охранника все разошлись по местам, одна только я осталась стоять у стены в обнимку со своим рюкзаком, который кто-то впихнул мне в руки.

– Вита, ты что? – подозрительно спросила химичка.

– Можно мне выйти?

– У тебя все хорошо?

Я кивнула.

– Ну выйди.

На мое счастье, охранника на посту не оказалось. Я вышла за ограду и, остановившись чуть в стороне от пешеходной дорожки, там, где под землей проходили трубы теплоцентрали и никогда не лежал снег, развязала туго стянутый узел из веревочек, перевернула рюкзак и аккуратно вытряхнула из него голубя вместе со всем содержимым.

Голубь был живой, но пришибленный. Сжался, нахохлился, помигал блестящим глазом, а когда порыв пронизывающего ветра растрепал перья, медленно доковылял до канализационного люка и уселся там.

Мама называла голубей символом мира, чистоты и надежды. Так в ее детстве их в школе учили, а наша физичка говорила, что голуби – летающие крысы и рассадники заразы. Маме я привыкла верить гораздо больше.

Понюхала внутренности рюкзака. В нем остался запах пыли и птицы. Яблоки пришлось выкинуть, потому что голубь, хоть и символ чистоты, летает по всему городу. Я неспешно собрала свое разбросанное по талой поляне добро. Небо заметно посветлело. Урок заканчивался через пятнадцать минут, но за ним по расписанию еще четыре, а возвращаться не хотелось.

Прежде я никогда не пропускала школу без уважительной причины, но теперь, когда родители уехали, кто мог меня в этом упрекнуть?

Так что я отправилась бродить по промозглым, хлюпающим серо-коричневой с мелкими солевыми камушками жижей улицам без лишних угрызений совести, хотя на душе и было противно.

В конце девятого класса я хотела уйти в колледж или перейти в другую школу, но мама очень просила немного потерпеть: в этой школе учителя меня знают, любят и обязательно дадут золотую медаль. А на идиотов обращать внимание не стоит, да и через два года они исчезнут из моей жизни навсегда. Однако пережить эти два года оказалось не так-то просто.

Прошатавшись по округе около двух часов и уже мечтая только о горячем чае, я зашла в магазин неподалеку от своего дома. Взяла две слойки с вишней. В обеих кассах стояла очередь по три-четыре человека.

Неподалеку шумно дурачились пацаны из соседней школы и девчонки из параллельного класса. Вздуродораженные и целиком поглощенные обществом друг друга, они кидались жвачками со стойки и громко смеялись.

Потом один из парней обнял одну девчонку сзади, она подняла голову, и они стали целоваться. Без какого-либо стеснения или неловкости. Так, словно никого вокруг не существовало.

– Ну чего застряли? – Женщина с огромной тележкой подтолкнула красивую темноглазую девушку, стоявшую за мной, и принялась выгружать на ленту свои продукты.

Оказывается, засмотревшись на компанию, я впала в оцепенение и всех задерживала.

Я положила перед кассиршей булочки и торопливо полезла в рюкзак. Привычно пошарила рукой, но нащупать кошелек не смогла, растянула завязки шире, заглянула внутрь, проверила в боковых карманах.

– Шестьдесят восемь рублей, – объявила кассирша, с укоризной наблюдая за моей возней.

Я перевернула учебники и еще раз ощупала куртку. Кошелек нигде не было. Должно быть, он вытряхнулся вместе с голубем, а я не заметила, когда собирала вещи.

– Что так долго? – возмутилась женщина с тележкой.

Пожилой мужчина позади нее громко и протяжно вздохнул.

Кассирша с укоризной смотрела исподлобья. Отвратительно стыдная ситуация.

– Простите, пожалуйста, – сказала я ей. – Я не буду брать.

– Я уже пробила, – ответила она так, словно я просила подарить мне эти булочки.

– Простите, – повторила я, чтобы она меньше злилась. – Кошелек потеряла.

– Валентина, дай ключи! – крикнула кассирша куда-то в сторону и, переведя на меня тяжелый, осуждающий взгляд, сказала: – В следующий раз голову не потеряй.

Неожиданно стоявшая позади кареглазая девушка удержала меня за руку и положила перед кассиршей сто рублей.

– Не нужно, спасибо, – попыталась отказаться я, но она очень тепло и ободряюще улыбнулась:

– Все нормально. Со всеми бывает.

Кассирша недоверчиво посмотрела, но деньги взяла охотно, и уже через минуту я стояла возле стеклянных раздвижных дверей, дожидаясь, пока девушка закончит со своими покупками.

Я и раньше видела ее в этом магазине и всегда обращала на нее внимание, потому что она была яркой и очень красивой. Одного со мной роста, с расчесанными на прямой пробор чуть выющимися каштановыми волосами, большими ласковыми глазами и пухлыми, тронутыми улыбкой губами. Одета девушка была в темно-зеленую парку с розовым мехом на капюшоне и черные кожаные штаны. Из-под расстегнутой куртки отчетливо выдавалась вперед высокая обтянутая белой водолазкой грудь.

– Спасибо большое! – кинулась я к ней. – Вы меня очень выручили.

– Я сама ужасно рассеянная, – она широко улыбнулась. – Поэтому кошельки не ношу. Только в карманах. Что-то обязательно да завалается.

– Давайте я вам деньги на телефон переведу?

Мы вышли на улицу.

– Пустяки, – она небрежно отмахнулась.

– Нет, правда, мне очень неудобно, что так вышло.

– Ладно, если тебе так спокойнее будет, то записывай, – девушка продиктовала номер, и я быстренько забила его в адресную книгу.

– Вика.

– Что?

– Зовут меня Вика, – пояснила она.

– Забавно, а я Вита.

– Приятно познакомиться, – она по-мальчишечьи протянула ладонь. – А какое у тебя полное имя?

– Просто Вита, и все.

– Прикольно.

– Это значит – жизнь.

– Еще прикольнее. А я – победа. Тебе куда?

Мы остановились на углу магазина.

Я пожала плечами:

– Все равно. Я школу прогуливаю.

– Ого! Прогульщица, значит? – Она смешливо прищурилась.

– Нет, что вы. Обычно я так не делаю. Это случайно получилось. Из-за голубя. И кошелек из-за него тоже пропал.

Вика удивленно округлила глаза:

– Тогда пошли в мою сторону. Я тут недалеко живу. Расскажешь, что там с голубем.

И я охотно повернула за ней.

– Мне сегодня одноклассники голубя запихнули в рюкзак, и когда я его доставала, то кошелек и посеяла.

– Серьезно? – Она расхохоталась. Смех у нее оказался громкий и заразительный. – Как же они его поймали?

– К нам в класс залетел.

– И ты на них обиделась? – догадалась она.

– Да. И ушла.

– Это же просто шутка.

– В моем случае нет. Они специально меня доводят и гадости делают.

– Почему?

– Подруга говорит, потому что я чудна`я.

Вика остановилась и очень серьезно посмотрела:

– А ты чудна`я?

Именно об этом я и размышляла, пока гуляла под моросящим снего-дождем. Почему к глупой, вечно пахнущей потом и пишущей на руках фразы типа «не сдохнуть» Игнатовой никто не цеплялся? Почему ее просто не замечали, а меня доставали постоянно?

– Я не знаю. Парни, как повыврастали, стали злыми и агрессивными, только и ждут, чтобы докопаться. В основном на словах, конечно, но и толкнуть могут, и плюнуть, и сумку отнять, а потом вытряхнуть из нее все на пол. А еще руки распускают. У меня раньше волосы длинные были, а осенью кто-то жвачку сунул. Пришлось обстричь, – я потрогала едва отросшие до плеч пряди.

– Ну так сделай что-нибудь.

– А что я сделаю? Только если родителям рассказать, но это не вариант. Мама сразу пойдет к директору и устроит разборки, им сделают выговор, а мне за то, что пожаловалась, потом будет только хуже.

Однако, по правде говоря, гораздо больше я боялась не этого, а того, что, узнай мама подробности, снова, до самого окончания школы, станет встречать меня и провожать. Может, и не открыто. Тайком. Как она уже делала. Притаится за деревом и смотрит, как я иду. Но все это видели и считали ее сумасшедшей.

А когда в прошлом году она перестала контролировать каждый мой шаг, разговоры о ней стали понемногу стихать, и теперь я лучше бы умерла от издевательств Дубенко, чем стала снова выслушивать унижительные насмешки в ее адрес.

– У тебя что, нет друзей? Парней?

– У меня есть одна подруга, но она не вмешивается, чтобы ей самой не досталось.

– Как-то печально звучит, – Вика сочувственно надула губы. – Хочешь, зайдем ко мне? Я вон в той пятиэтажке живу.

Идти в гости с бухты-барахты было не очень прилично, но Вика мне понравилась, и болтать с ней оказалось куда приятнее, чем заниматься самокопанием. К тому же, кроме Эли, я ни с кем об этом не говорила. А все, что могла сказать Эля, я уже знала.

– Да, конечно. Если я вам не помешаю.

– Только знаешь что? – Вика сделала пару шагов и остановилась. – Давай на «ты»? Тебе сколько?

– Шестнадцать. В июне семнадцать будет.

– Ну а мне девятнадцать. Договорились?

Я кивнула, и она снова дружески пожала мне руку.

Вика жила в маленькой однокомнатной квартире с перекошенными дверями и скрипучим потертым паркетом. Однако ванная и туалет были новенькие и чистые, кухня тоже.

Вика наложила мне большую тарелку плова и, глядя, как я ем, принялась рассказывать, что любит принимать гостей, но к ней почти никто не приходит, потому что она приехала в Москву из другого города и подруг у нее нет. А девчонки из педагогического института ее невзлюбили, решив, что она нарочно клеит всех их немногочисленных парней.

В институте Вика проучилась три месяца, а потом бросила его и готовилась поступать в театральное училище. Сказала, что мечтает стать известной актрисой и сниматься в Голливуде.

– Кстати, насчет твоих одноклассников, – вспомнила она, когда мы уже пили чай. – Может, они просто влюблены в тебя и пытаются добиться твоего внимания?

– Влюблены? В меня? Дубенко? – Я сделала такой большой глоток чая, что обожгла язык. – Конечно же, нет! Они просто так развлекаются. Как-то в восьмом классе ко мне подошел Тарасов и предложил целоваться. Я сказала, что нам слишком мало лет и что должна быть любовь. А он начал смеяться еще раньше, чем я закончила говорить. Оказалось, они так прикалывались. Еще и на телефон меня записали. С тех пор специально какие-нибудь пошлости говорят и ржут, когда прошу не ругаться матом в моем присутствии.

– Все ясно. Они считают, что ты дурочка и лохушка, – запросто поставила диагноз Вика.

– Какая же я дурочка, если учусь лучше всех в классе?

– Это другое. С людьми всегда нужно быть настороже, каждый ищет свою выгоду. А тот, кто этого не понимает, считается маленьким или глупым. Не слушай никого, не доверяй – и будет тебе счастье.

Она дружески похлопала меня по руке, убрала пряди волос с моего лба и с интересом заглянула в лицо.

– Ты должна пользоваться тем, что у тебя есть. Глаза синюшие, кожа – бархатная, и вся ты такая нежная, как зефирка, – смеясь, Вика погладила по щеке тыльной стороной руки. – Очень хорошенькая девочка. Будь я парнем, я бы в тебя влюбилась.

Ей удалось меня смутить:

– Ты просто хочешь мне приятное сделать.

Вика громко расхохоталась:

– Боже! Как ты мило стесняешься. – Она обхватила мое лицо ладонями и, наклонив голову набок, сделала умиленное лицо. – Тебе очень идет. Но цену себе все равно нужно знать.

Еще немного посидев, я пообещала скинуть деньги ей на телефон и пошла домой.

Людей во дворе было немного: две старушки с маленькой собачонкой да женщина с коляской на соседней дорожке. На парковку въехала машина.

Подойдя к своему дому, я обернулась, чтобы убедиться, что меня никто не преследует, и вдалеке заметила черный мужской силуэт. Двигался он быстро и целенаправленно. В таких случаях мама учила остановиться и переждать, чтобы ни в коем случае не заходить в подъезд с незнакомцем.

Я поставила рюкзак на лавочку и сделала вид, будто что-то ищу, однако в ту же минуту услышала знакомые голоса. Подняла голову и поверх голого кустарника увидела сидящих возле соседнего подъезда Дубенко, Тарасова и Зинкевича. Вся компания дружно рассматривала что-то в телефоне Тарасова. Я похолодела.

– Знаешь код? – Низкий голос заставил вздрогнуть и медленно повернуться.

Незнакомец оказался совсем молодым, от силы лет двадцати. С двумя черными, словно боевой раскрас индейцев, полосами на скулах, черным шариком пирсинга под нижней губой, небольшими закрытыми тоннелями в ушах и поразительно яркими голубыми глазами. Черная косая челка закрывала половину лица, а виски и другая часть головы до самого затылка были очень коротко острижены.

Одет он был тоже во все черное: от кожаной куртки до тяжелых шнурованных ботинок.

– Знаешь код? – повторил парень, спокойно выждав, пока я закончу его разглядывать. – Или, может, ключ есть?

– Я здесь не живу, – неожиданно выдала я, одновременно пытаюсь сообразить, бывают ли маньяки неформалами.

Ничего не ответив, он подошел к двери и принялся нажимать кнопки домофона.

И тут со стороны третьего подъезда раздался пронзительный свист.

– Эй, жирная, иди сюда, – Дубенко помахал рукой.

Я не ответила, и Дубенко снова крикнул:

– Кому сказали! Оглохла? Бегом сюда!

Вся троица поднялась и медленно двинулась в мою сторону.

Парень в черном резко дернул дверь, и она, оторвавшись от сдерживающего ее магнита, распахнулась. Кивком головы он позвал проходить.

Решение я приняла за долю секунды, кинулась следом за ним, влетела в подъезд, и, крепко ухватившись за ручку двери, изо всех сил притянула ее к магниту. Эхо от удара металла о металл гулко прокатилось по подъезду.

Парень неторопливо поднялся по лестнице, затем вдруг остановился и озадаченно оглядел меня:

– Почему «жирная»?

Не зная, что ответить, я просто развела руками.

– Хочешь, идем ко мне?

Я испуганно затрясла головой, готовясь в любой момент рвануть обратно на улицу.

Он пожал одним плечом и быстро побежал наверх, а я к своей квартире на первом этаже.

Глава 2

Мама родила меня в сорок один. Папа преподавал в университете, а она училась у него. Они поженились, как только мама защитила диплом, однако завести детей у них не получалось очень долго.

Но потом, когда появились новые медицинские возможности, мама все-таки забеременела, и врачи принялись ее пугать, что из-за такого возраста ребенок может получиться с физическими отклонениями или какими-нибудь психическими болезнями. Мама очень переживала, но все равно решила рожать. Вот только носила она меня всего шесть с половиной месяцев, а потом у нее случились преждевременные роды, и ей сказали, чтобы она не надеялась, что я выживу.

Родители называли меня Витой, пока я лежала в инкубаторе, считая, что тем самым программируют на жизнь. Неизвестно, помогло ли это, но я выжила. И хотя вскоре стало ясно, что я вполне обыкновенная и здоровая, мама уже никак не могла успокоиться и прекратить за меня бояться.

Ей постоянно казалось, что я заболею, выпаду из окна или утону. Что меня похитят с детской площадки или собьет машина. И чем старше я становилась, тем старательнее она ограждала меня от всего, что могло представлять хоть малейшую опасность. Сидела со мной дома и следила, чтобы «все было в порядке». А когда я вдруг начала резко худеть, запаниковала, решив, что я чуть ли не при смерти, и категорически отказывалась верить врачу, что у подростков такое часто бывает из-за гормонов и быстрой перестройки организма.

Вот тогда-то уже и подключился папа. Прилично устав от маминых нервов и фантазий, он потребовал, чтобы она пошла к психологу и привела свою нервную систему в порядок. И маме пришлось послушаться, потому что если папа принимал серьезное решение, то переубедить его не могла даже она.

С тех пор обстановка в нашей семье стала меняться. Мама прекратила ходить за мной к школе и встречала лишь у подъезда, а позже, еще немного успокоившись, стала ждать, стоя у окна. Она больше не спрашивала каждый день о том, что у меня болит, и старалась больше времени посвящать работе.

Дома мама занималась тем, что писала литературоведческие статьи для разных бумажных и электронных журналов, однако психолог сказала, что в ее возрасте для человека с кандидатской степенью жизнь только начинается, и папа был полностью с ней согласен. Поэтому в прошлом году мама вернулась преподавать в тот же институт, где работал и он. Они оба специализировались на зарубежной литературе девятнадцатого века, и, когда папу в третий раз пригласили читать лекции в американском университете, маме предложили поехать туда с ним.

Родители долго обсуждали эту тему, и я знала, что маме очень хочется в Америку, но оставить меня было не с кем, и она собиралась отказаться. Тогда я сама пришла к ней и сказала, что если она думает, будто я не смогу самостоятельно прожить какие-то четыре недели, то сильно ошибается. Ведь мне же уже шестнадцать, и это серьезный возраст. Примерно столько было Татьяне Лариной, Софье Фамусовой, Бедной Лизе, Джейн Эйр, Эсмеральде и Скарлетт О'Хара, а Наташе Ростовской и того меньше. Мама ответила, что судьба многих из этих девушек отнюдь

не успокаивает, однако задумалась. Ее тревожили какие-то совершенно приземленные и скучные вещи: как я буду

вставать по утрам, питаться, с кем стану проводить время, но больше всего – моя безопасность. Пришлось рассказать про Марченко и Широкову, чьи родители постоянно мотались по командировкам.

Я еще и сама плохо понимала, как это – остаться одной, но упускать такой шанс из-за меня мама не имела права. А спустя пару дней она действительно позвонила родителям Даши Марченко, долго выпрашивала, что да как, и наконец все же решилась.

Сказала, что договорится с Анастасией Федоровной, нашей соседкой, чтобы она каждый вечер заходила и проверяла меня, а еще будет заезжать ее питерская сестра тетя Катя, которая время от времени бывала в Москве по делам, и если я не передумала, то она бы с удовольствием составила папе компанию.

Я заверила, что все хорошо и волноваться нечего, однако уже перед самым их отъездом, когда сидели на чемоданах, неожиданно ни с того ни с сего расплакалась и долго не могла успокоиться.

Мама, конечно, тоже разнервничалась и стала говорить, что никуда не полетит, но приехавшая проводить их тетя Катя вместе с папой силой вытолкали ее из квартиры. Это была очень горькая сцена, и весь оставшийся вечер я прорыдала в подушку, а тетя Катя сидела рядом и, вместо того чтобы утешать, ругалась, что я маленькая, эгоистичная и капризничая, как ребенок.

В свои тридцать восемь тетя Катя никогда не была замужем, и своих детей у нее не было.

Тетя Катя прожила со мной первые несколько дней, Анастасия Федоровна заходила, а мама звонила по два раза на дню. Казалось, ничего особенного не произошло.

Однако постепенно я начала ощущать вокруг себя странную, тревожную пустоту и поначалу решила, что просто скучаю по маме с папой. Но чем дальше, тем волнение становилось сильнее.

Внутреннее беспокойство не отпускало ни утром, ни днем, ни вечером. Особенно вечером, когда за окнами темнело и тягостные мысли о завтрашнем дне заставляли меня за уроками или за чтением. Внезапно накатив, они разрастались и доводили до отчаяния, вытесняя все остальное. Я засыпала и просыпалась, мечтая только о том, как бы избежать очередных столкновений с Дубенко.

Раньше, когда родители были дома, все школьные неприятности исчезали, стоило переступить порог квартиры, теперь же преследовали повсюду.

В ту пятницу я задержалась после восьмого урока, чтобы дописать сочинение. Обычно с литературой у меня проблем не возникало, но в этот раз тема поставила в тупик: «Имеет ли человек право на месть?»

Вроде бы все ясно: месть – отвратительное, низкое намерение причинить вред другому. Однако формулировка «Имеет ли право?» заставила серьезно задуматься.

Отчего никому не приходило в голову спросить: «Имеет ли человек право на убийство?» или «Имеет ли право на ложь?»

С мезтью все обстоало гораздо сложнее, потому что у нее совсем другой окрас. По сути она ведь является наказанием, которое может быть вполне справедливым.

На свете есть множество вещей, за которые перед законом ты отвечать не должен. Никто не накажет за унижение, насмешки, высокомерие или злые сплетни. Не существует никакой ответственности за предательство или разбитое сердце.

В половине пятого уже темнело, во дворах зажглись блеклые фонари, и грязный мартовский снег в их лучах блестел, как новенький.

Полностью погрузившись в свои мысли, я вышла с территории школы и свернула на узкую пешеходную дорожку, как вдруг раздался знакомый свист в спину. Оглянулась, и точно – догоняют. Все трое.

– Ты че, жирная, обнаглела? – Дубенко дернул сзади за рюкзак. – Тебе сказали остановиться.

Лямки больно впились в плечи даже через куртку. Меня откинуло назад, и они заржали.

– Я не жирная, – тихо сказала я.

– Жирная, жирная, – медленно, со вкусом проговаривая каждое слово, повторил Тарасов почти на ухо.

– Смотри в глаза, когда с тобой взрослые разговаривают, – Зинкевич потянулся, чтобы схватить меня за подбородок, но я вовремя отпрянула.

Тогда он запустил руку в рюкзак и извлек оттуда большие ножницы.

Заметив в моих глазах ужас, Дубенко закатился. Тарасов же схватился за лямку рюкзака, и Зинкевич быстрым движением обрезал ее.

Рюкзак грузно плюхнулся в лужу.

Я наклонилась за ним, и в этот момент Дубенко толкнул меня в плечо. Потеряв равновесие, я свалилась на рюкзак.

– Так, ребята, чего не расходимся? – послышался издали голос нашей географички.

– Да вот Котова упала. Поднимаем ее, – Тарасов схватил меня под локоть и очень грубо поставил на ноги.

Географичка обеспокоенно подошла:

– Вита, что с тобой? Голова кружится?

Хотелось сказать, какие они уроды, но последствия не заставили бы себя ждать.

– Немного.

– Плохо, – географичка сочувственно покачала головой. – Мальчики, проводите ее домой.

– Обязательно, – с гадкой улыбочкой пообещал Дубенко.

– Не надо провожать. До свидания, – спешно сняв руку Тарасова с плеча, я рванула в сторону дома.

Однако успела пробежать только до конца детской площадки, как услышала сзади топот и веселое улюлюканье. Припустила быстрее. Рюкзак то и дело съезжал и бил по ногам, дорожки скользили, и я два раза чуть не упала, но успела долететь до своего подъезда, когда им до меня оставалось всего ничего.

Я заскочила в квартиру, захлопнула дверь, включила свет и какое-то время неподвижно стояла, разглядывая свое жалкое перепуганное отражение в огромных зеркалах гардероба.

Подол куртки был заляпан, темные волосы вылезали жалкими сосульками из-под шапки, подбородок трясся, а в глазах застыл такой глубокий испуг, что из голубых они превратились в серо-зеленые. Отвратительное, позорное зрелище.

Не разуваясь, я прошла на кухню и выглянула в окно. Все трое, прилично запыхавшись, стояли перед подъездом. Тарасов достал сигареты, а Зинкевич неожиданно поднял голову и увидел меня. Резко отпрянув, я запнулась о табуретку и вместе с ней шлепнулась на пол. Локоть пронзили тысячи мелких иголочек, теплая куртка смягчила удар.

В следующую секунду раздался требовательный стук в стекло и громкие крики: «Жирная, выходи!»

Я отползла под кухонный стол и притаилась. Какое-то время они еще поскакали под окнами и благополучно свалили.

Есть совершенно не хотелось, но я погрела в микроволновке вишневый штрудель и сразу позвонила Эле.

Голос у нее был тихий, приглушенный, совсем болезненный.

– Как ты себя чувствуешь?

– Отвратительно. Ветрянка, второй день тридцать девять. Сил никаких.

– Бедняжка. Но в твоей ситуации есть и плюсы. Дома в кровати спокойно, и никто не прицепится.

– К тебе прицепился Дубенко?

– Лямку обрезали, в лужу толкнули и до самого дома гнали.

– Знаешь, – немного подумав, сказала Эля, – тебе нужно кого-нибудь нанять. Я вчера фильм смотрела. Там мужика одного бандиты доставали, и он нанял себе охранника. Почему-то сразу про тебя вспомнила. Можно, например, объявление в Интернете разместить. Я уверена, полно ребят, с которыми легко договориться насчет такого. Будешь за них сочинения писать, а они доходчиво объяснят этим козлам, что обижать тебя не стоит. Я вообще не понимаю, почему психологическую службу помощи подросткам сделали, а физической нет.

– Чтобы их побили? Но это же неправильно. Силой ничего не решается.

– Неправильно? – Эля возмущенно засипела в трубку. – Вспомни мировую историю. С агрессорами только силой все и решается. Такие, как Дубенко, по-другому не понимают. И пока ты этого не признаешь, ничего не изменится. В Хогвартс тебя никто не заберет. Хочешь, я сама напишу это объявление?

– Нет, конечно. Не нужно. Я потерплю. Мама вернется, и все наладится.

– Что наладится? Они же тебя всегда доставали и будут доставать, и твоя мама, как и раньше, ничего не сделает.

– Не сделает, но, когда она здесь, я о них почти не думаю и не замечаю. Мама говорит, что все окружающее складывается из наших мыслей и того, как мы сами видим мир. Можно на небо смотреть и видеть светлое и прекрасное, а можно на грязь под ногами.

– Хочешь честно? Я думаю, что все твои проблемы именно из-за этого. Из-за того, что твоя мама кормит тебя этими сказками о светлом и прекрасном. Это же глупость и наив, как ты сама не понимаешь? Ладно, она сама странная, но ты-то вполне нормальная, когда не заводишь подобные разговоры.

– Моя мама не странная!

– Еще какая странная. Носится с тобой, как с пятилетней. Гулять не пускает, даже сообщения в ВК проверяет.

– Она просто переживает за меня. Боится, чтобы ничего плохого не случилось. Разве это странно?

– Очень. А то, что ты не против всего этого, – еще хуже.

– А почему я должна быть против? Я ничего плохого не пишу в сообщениях, а гулять – только лишний раз нарываться на Дубенко. И, знаешь, мне очень неприятно, что ты это сказала. Про меня говори что угодно, а мама у меня хорошая. И я по ней очень скучаю.

– Все с тобой ясно. Тогда не жалуйся больше.

Эля бросила трубку, а я пошла в гостиную, завалилась на диван и долго лежала, тупо уставившись в потолок.

Там, высоко-высоко над землей, сквозь пухлые золотистые облака величественный бело-головый Клювоткрыл нес меня в Хогвартс. Нужно было просто прекратить думать о неприятностях. Как раньше. Как я делала это с мамой.

Не смотреть под ноги и видеть Дубенко, а поднять голову и отыскать наверху что-то хорошее и светлое.

– Виточка, привет! – Голос мамы звучал глухо, отдаленно, но успокаивающе. – Как твои дела?

– Все в порядке, мамуль. Новостей нет. Сегодня писали сочинение про месть. Наверное, я плохо написала. Долго возилась и только один раз успела проверить.

– Не может быть. Пишешь ты чудесно. А сочиняешь еще лучше, – мама рассмеялась. – Холодно в Москве? Ты в шапке ходишь? Смотри не переохладись. Кушаешь нормально? Суп у тебя есть?

– Шапку надеваю, суп есть, погода противная. Лучше расскажи, как у вас.

И мама принялась долго и в красках рассказывать об экскурсии на Эмпайр-стейт-билдинг.

А где-то около семи у соседей наверху заиграла музыка. Сначала тихо, едва различимо, приятно разгоняя тишину моей квартиры. Но постепенно ритмы стали мощнее, а мелодии ярче. Послышался хлопок открываемой бутылки шампанского. Вечеринка разгоралась. Стук каблучков, громкий женский смех, мужские голоса и звон посуды.

Воспоминание о нетронutom штруделе заставило подняться. Я зажгла на кухне свет. Делать ничего не хотелось. Даже читать.

Если бы у нас был телевизор, я тотчас отправилась бы его смотреть, но телевизора не было. Мама гордилась этим культурным достижением нашей семьи еще больше, чем отказом от городского телефона, а мой семидесятилетний папа чувствовал себя истинным бунтарем, отдавая его своим знакомым со словами: «Приятной деградации».

Пришлось довольствоваться Ютубом. Я просто включила раздел «популярное» и понеслось: тушение огурцов в виноградном соке, нанесение макияжа большими пальцами ног, прыжок с холодильника в корзину для бумаг, имитация крика шотландских пони, избиение тени палкой для селфи, выстукивание песен Джастина Бибера лбом о водосточную трубу и многое-многое другое.

Я доела штрудель, выпила три чашки чая и, прилично утомившись от бессмысленности сюжетов, собиралась лечь спать, как неожиданно попало видео, на первых же секундах которого я начала невольно улыбаться, и все полторы минуты, пока оно длилось, не могла удержаться от смеха.

На нем двое ребят в широких балахонах бежали за катившейся по пустой загородной дороге машиной, а из заднего окна, высунувшись по грудь, отчаянно жестикулировала перепуганная девушка. Было видно, что водителя за рулем нет. И девушка была невероятно взволнованна. Ребята же явно валяли дурака, то догоняя машину, то отставая. Они поворачивались лицом к снимающему, корчили рожи и пританцовывали на бегу. Девушка показывала кулаки и кричала, но слов слышно не было, потому что все это развеселое зрелище озвучивалось жизнерадостной песенкой «Ничего на свете лучше нету» из «Бременских музыкантов».

Дорога тем временем все больше шла под уклон и впереди резко сворачивала, так что машина могла вот-вот съехать с высокой насыпи. Девушка даже распахнула дверь, чтобы выпрыгнуть, но в последний момент один из парней все же заскочил на водительское место и плавно вошел в поворот.

Я только собиралась пересмотреть этот ролик еще раз, как внезапно по квартире прокатился заунывный гудок домофона. Жалобное протяжное пиликанье. Глянула на часы – половина десятого. В такое время даже разносчики листовок уже не ходили.

Ясно же, что, раз не открывают, значит, никого дома нет. Чего трезвонить? Но свет на кухне и в гостиной горел, а у меня первый этаж. Я пробежала по комнатам и все выключила. В наступившей темноте заунывные звуки стали еще противнее.

То, что ко мне никто не мог прийти, было очевидно, но вдруг что-то случилось? Пожар, к примеру, и всех оповещают о том, что нужно срочно выйти на улицу. Или угроза взрыва. По телевизору показывали, как целый дом эвакуировали из-за анонимного звонка.

Я вытерла вспотевшую ладонь о штанину и кончиками пальцев взяла трубку, будто она сама в любой момент могла взорваться. Молча прижала ее к уху.

По ту сторону трубки послышалось яростное сопение и глухое покашливание чуть поодаль. И, прежде чем я успела повесить трубку, раздался сигнал открываемой двери. Видимо, кто-то выходил из подъезда.

Дыхание перехватило. Я метнулась к дверному глазку и прижалась всем телом к двери. Футболка задралась, оголившийся живот неприятно коснулся холодной кожаной обшивки. В подъезде раздались тяжелые шаги. Я совсем перестала дышать.

Белый свет на площадке хорошо освещал зеленые стены, шашечки плитки на полу, двери соседей.

Я была уверена, что это Дубенко с компанией, решившие запугать меня окончательно.

Но ошиблась. Это были двое совершенно незнакомых парней. Как следует разглядеть их я не успела, потому что они сразу же направились к моей двери. Я машинально отскочила, словно они могли меня увидеть. Прокатилась заливиистая трель дверного звонка, а за ней раздался требовательный стук в дверь.

– Давай открывай.

Ноги подкашивались. Мне казалось, я так громко дышу, что они во-вот услышат меня. Стук повторился с новой силой.

Я побежала в комнату и в крошечной темноте трясущимися руками принялась шарить по дивану, где кинула трубку после разговора с мамой. Атака на дверь продолжалась. Наконец я нашла телефон и набрала номер Анастасии Федоровны. Каждый долгий гудок был длиною в вечность, но она так и не ответила.

Вместо этого послышался приглушенный металлический лязг ее двери, и я бросилась к дверному глазку.

– Че ломитесь? – В белом свете лампы стоял здоровенный бритоголовый внук Анастасии Федоровны.

– В гости пришли, – ответил один из парней.

– Нам Артем нужен, – пояснил второй.

– Здесь таких нет, – буркнул внук. – Уматывайте.

– Сам уматывай, – нагло ответил первый, но второй его тут же одернул:

– Музыка-то сверху. Нам, похоже, туда.

Они отправились наверх, а я осторожно отперла дверь и высунулась на площадку.

– Спасибо большое, что прогнали их. Как дела у Анастасии Федоровны?

– В больнице она.

– А что случилось?

– Сердце.

И соседская дверь захлопнулась.

Проснулась я от внезапного внутреннего волнения и тяжести. Голоса наверху стихли, но музыка по-прежнему играла. Энергичные ритмы милостиво сменились Ланой Дель Рей¹.

Стараясь не разлеплять глаз, я вылезла из кровати и пошлепала босиком в туалет. Однако стоило открыть дверь и сделать шаг, как нога вступила во что-то мокрое и холодное. Я включила свет и обомлела.

Весь пол в туалете был залит стекающей по стенам водой. Я заглянула в ванную – та же картина. Отдельные ручейки уже просочились в коридор, а на обоях у самого потолка образовалось темное влажное пятно. Ремонт мы сделали всего год назад, и папа до сих пор сокрушался, как дорого он ему обошелся.

Мигом схватившись за тряпку, я довольно быстро убрала воду с пола, но она все равно текла по стенам.

Торопливо надев тапки и нацепив длинную шерстяную кофту с растянутыми рукавами, я вышла на лестничную клетку и, поднявшись на второй этаж, позвонила в расположенную

¹ *Lana Del Rey* – американская певица и автор песен.

над нами квартиру. Раздался легкий, ненавязчивый звон. Я подождала немного, но ничего не произошло. Позвонила еще раз, но с тем же успехом.

Приложила ухо к двери – только музыка и отчетливый звук льющейся воды. Я постучала. Сначала легонько, затем с силой. Дернула за ручку, и дверь с неожиданной легкостью распахнулась.

Глазам предстала ярко освещенная прихожая и плавающие в залитом коридоре вещи.

– Есть кто-нибудь?

Мой дрожащий, робкий голос утонул в протяжно-печальном: «Kiss me hard before you go».

Я крикнула громче, но никто не отозвался.

Тапочки пришлось снять, а штанины закатать. Вода была чуть теплая и даже приятная. В ванной комнате горел свет. Я быстро вошла туда и растерянно притормозила.

Из крана хлестала вода, переливаясь сплошным потоком через бортики переполненной ванны. А в ванне спиной ко мне лежал человек. Я позвала, но он не шелохнулся.

Глава 3

Я поспешно перекрыла кран. Человек лежал в ванне в джинсах, голый по пояс. Колени согнуты, руки безвольно вытянуты вдоль тела. На левом плече плотный бандаж в виде короткого рукава с лямкой через всю грудь. На правом предплечье тату – две широкие параллельные полосы, охватывающие руку наподобие браслетов.

Его голову и лицо почти полностью скрывала вода.

На долю секунды мне показалось, что он умер. Однако легкое подрагивание ресниц успокоило.

В том, что это тот самый неформал, которого я приняла за маньяка, не было никаких сомнений: черные, величиной с десятикопеечную монету сплошные тоннели в ушах и шарик пирсинга в нижней губе.

По всей вероятности, он так напился, что уже ничего не чувствовал, ведь, опустись он чуть ниже, точно бы захлебнулся.

Осторожно протянув руку, я потрясла его за здоровое плечо, но лучше бы этого не делала, потому что от моего движения парень моментально погрузился под воду.

Я поспешно схватила его под мышки, уперлась коленками в бортик и потянула наверх. Приподнять его получилось, но долго удерживать в таком положении я вряд ли смогла бы.

Рукава кофты намокли и стали тяжелыми. Спина напряглась. Но парень все-таки пошевелился. Сжал мой локоть, нахмурил брови и, сделав глубокий вдох, открыл глаза. Очень яркие, сине-голубые. Чистые и блестящие. Несколько секунд он непонимающе смотрел на меня, а затем неожиданно, не дав и рта раскрыть, обхватил второй рукой за шею и начал целовать. Прямо в губы. По-настоящему. Так, словно у нас любовь и страстные отношения.

Я с силой оттолкнула его, но парень крепко уцепился за рукав. Попробовала вырвать руку – бесполезно. Надо же было так попасть! И кричать бессмысленно. Через музыку никто не услышит.

Запаниковав, я попыталась вылезти из кофты, тогда он наконец отпустил меня и удивленно приподнял одну бровь:

– Ты чего?

По его недоумевающему виду можно было подумать, будто целоваться с незнакомым человеком – в порядке вещей.

– У вас тут потоп. А у нас обои в коридоре уже мокрые, – срывающимся голосом пролепетала я, отскочив на безопасное расстояние.

Парень выглянул за бортик ванны и посмотрел на залитый пол:

– Заснул, наверное.

– Если вы нас зальете, придется оплачивать.

– Плевать, – он небрежно отмахнулся. – А ты кто? Соседка, что ли?

Я кивнула.

– Ну извини, – он рассмеялся, вытирая мокрое лицо ладонью. – Думал, кто-то из гостей. Улыбка у него оказалась широкая, белозубая и жизнерадостная.

Стараясь не опираться на руку с бандажом, он неуклюже вылез из ванны. Вода ручьями стекала с его волос и джинсов.

– Там в дальней комнате в шкафу возьми простыни, – он сдернул с батареи махровое полотенце и стал вытирать голову здоровой рукой. – Любые. И штаны мне принеси. Серые спортивные. На балконе висят.

У него были резко очерченные ключицы, крупный кадык, острые плечи и большие ладони с длинными пальцами. На открытом плече и в районе груди подрагивали вполне заметные мышцы.

Парень оторвал полотенце от лица и, сообразив, что я разглядываю его, вопросительно уставился в ответ. В следующий миг я выскочила из ванной.

На полу плавали тапочки, зонтик, пробка от шампанского, жестяная банка из-под пива и рекламные буклеты. Декоративные подвесные полки в коридоре были заставлены грязными стаканами и бокалами с недопитым вином. Широкая поверхность зеркала зацелована губной помадой различных цветов. Посреди гостиной стоял неубранный стол с тарелками, бутылками и остатками еды. Край толстого ковра на полу уже пропитался водой.

Стоило отворить дверь в дальнюю комнату, как в лицо тут же ударил порыв холодного промозглого воздуха. Балкон был распахнут настежь, и вещи на бельевого веревке отчаянно рвались в непроглядную ночь.

Длинные голубые шторы хлопали и надувались, как паруса. Леденящий ветер тут же проник в глубокий вырез майки, грудь покрылась мурашками, мокрые ноги вмиг заledenели.

На широкой, застеленной шелковым покрывалом кровати валялся ворох одежды, стеклянная пепельница на тумбочке была забита окурками и фантиками, в кресле осталась чья-то красная зажигалка.

Однако внутри большого, во всю стену шкафа-купе царил идеальный порядок. Полотенца нашлись на средних полках, безупречно выглаженные и сложенные по цвету. Простыни чуть выше. Из шкафа пахло лавандой и сиренью. Я вытащила стопку банных полотенец и несколько простыней, а когда вспомнила про штаны и подошла к балкону, за спиной кто-то произнес:

– Сколько времени?

Тихий, едва различимый голос. Оглянулась – никого. Быстро сдернув штаны с веревки, я захлопнула дверь и только развернувшись к выходу, как громкий шорох заставил присмотреться к темному углу между кроватью и шторой. Там что-то копошилось.

Послышался глухой сдавленный стон, и на голубом покрывале появилась рука.

– Сколько времени? – повторил голос так тихо, что я скорее догадалась, чем расслышала, потому что музыка продолжала играть.

– Двенадцать. Может, больше.

Наконец после непродолжительной войны со шторой из-под нее выбрался светлоголовый заспанный парнишка в длинной футболке и широких штанах.

Щеки покраснелись ото сна, русые, чуть рыжеватые пряди прилипли ко лбу. Глаза щурились на свету:

– Где все?

– Не знаю. Я соседка снизу. У нас потоп.

Он бросил взгляд на мои босые ноги.

– Носки лучше снять, – посоветовала я, и он кивнул.

Покрепче прижав к себе полотенца, чтобы не рассыпались, я поспешила назад, в ванную. Парнишка последовал за мной, но, сделав пару шагов, тут же ойкнул.

– Я же предупреждала.

– Угу, – смущенно буркнул он и, облокотившись о косяк, принялся стаскивать промокшие носки.

Я кинула ему под ноги несколько полотенец, но они, опустившись на воду, как осенние листья, остались плавать, медленно намокая.

– Нужно ковшиком вычерпывать, – деловито сказал он.

– Чего так долго? – Из-за двери ванной высунулся спасенный мною неформал, выхватил свои штаны и, не дожидаясь ответа, снова исчез.

– Тёма, стой, – парнишка тщетно ткнулся в захлопнувшуюся дверь. – Дай умыться.

– Кругом полно воды, – откликнулся тот и не открыл.

На кухне творился не меньший бедлам, чем в остальных местах: горы грязной посуды, пустые пивные банки, коробки из-под пиццы и пирогов. Зато потоп ее не коснулся, и серые шашечки плитки на полу остались сухими.

Лана продолжала томно страдать: «Погружаясь все глубже и глубже, становлюсь все темнее и темнее. Ищу любовь, но не в тех местах...»

Мы стали вычерпывать воду чашками в большой салатник, который потом выливали в кухонную раковину, а уже когда Тёма вышел из ванной, взялись за полотенца. Тёма постоял немного в задумчивости, недовольно морщась и сокрушенно оглядывая коридор. Затем присел на корточки рядом со мной и поинтересовался интимным тоном:

– Я только не понял. Чего ты меня хватать начала?

– Вы тонули.

Он задумчиво выпрямился:

– Слышь, Макс, я реально мог утонуть.

– Так тебе и надо, – ворчливо отозвался Макс. – Сто раз говорил тебе не спать в ванне.

Где, вообще, все?

– Я их выгнал, – голос у Тёмы был низкий и глухой. – Голова просто раскалывалась.

Думал, убью кого-нибудь, если не выметутся.

– А сейчас как?

– Лучше. Только Лану свою выруби уже.

Макс покорно отбросил простыню и отправился выключать музыку, а Тёма принес мусорный пакет, подобрал с пола мокрые вещи, затолкал их туда и ушел на кухню.

Во внезапно наступившей тишине бодро загремели кофейные зерна.

– Эй, соседка, будешь кофе?

– Нет, спасибо. Домой пойду.

– Да ладно, нужно же отметить удачное спасение утопающего, – Тёма выглянул в коридор. – Кстати, вопрос: а затычку из ванны не проще было вытащить?

– Вы начали тонуть, и я уже ни о чем не думала.

– Чего выкаешь-то? – Он подошел ближе. – Я же не дед столетний.

Я пожала плечами.

– Тебя как зовут?

– Вита.

– Как? Витя?

Откровенная насмешка в голосе заставила поднять голову:

– Вита. А тебя?

Он небрежно взлохматил мокрый затылок и с шутливой задиристостью сообщил:

– Хамло или Говнюк. Выбирай любое имя.

– Мне оба не нравятся.

– Сомневаюсь, что матерные варианты лучше, – бросил на ходу Макс и, обойдя меня, исчез на кухне.

– Чего ты напрягаешься? – сказал Тёма примирительно. – Ну, Артем меня зовут. Все нормально. Мы не страшные, приставать не будем, если сама, конечно, не попросишь. – После чего, иронично хмыкнув, добавил: – А за то я уже извинился. Ну реально, спросонья не понял, что происходит. Так как насчет кофе?

Выглядел он лет на девятнадцать, с выразительной мимикой и броскими, необычайно привлекательными чертами лица. Даже пирсинг и тоннели ему шли. Хотя мне все равно было непонятно, зачем человеку со столь яркой внешностью понадобилось так себя разукрашивать.

Чувствуя, что снова начинаю неприлично глазеть, я машинально кивнула, и он воспринял это как согласие на кофе.

– Тебе с молоком?

Но ответить я не успела, потому что из ванной раздалась громкая мелодия телефонного звонка: «Who do you need, who do you love when you come undone».

– Тащи его сюда, – распорядился он.

Телефон нашелся на стеклянной полочке рядом с тубиком пасты. На экране высветилось «Полина».

Я отнесла трубку на кухню, и из неё сразу же раздались возмущенные женские крики. До нас долетали только обрывки фраз, но догадаться, о чем речь, не составляло труда. Полина была недовольна тем, что он устроил вечеринку. И что не отвечал на ее звонки, и чем-то еще, понятным только им двоим.

Не переставая насмешливо улыбаться, Артем молча и терпеливо слушал ее, а Макс, кивнув на табуретку, поставил передо мной чашку с дымящимся кофе.

Его лицо казалось мне смутно знакомым: светлые брови, светлые, с рыжеватым оттенком ресницы и бледные, едва заметные веснушки на переносице и щеках. Прямой красивый нос и тяжелый волевой подбородок, волосы аккуратно подстрижены. И хотя взгляд был немного печальным, в уголках темно-серых глаз скопилось множество лучистых морщинок.

Едва я взяла чашку в руки, как Артем вскочил со стула и, распахнув створку окна, метнул телефон в ночь. Потом резко обернулся и, слегка запинаясь на «к», пояснил:

– Зак-колебала, стерва.

– Зачем телефон выбросил? – с упреком сказал Макс.

– Бесит.

Макс с тяжелым вздохом покачал головой и вышел. Хлопнула входная дверь.

– Спасибо, – я отставила чашку, так и не сделав ни одного глотка. – Пойду домой.

– Значит, ты с первого этажа? – Артем расслабленно, словно ничего не произошло, развалился на стуле. – Кажется, я знаю твоего папу. У него же синий «ниссан»? Первое время он меня с парковки гонял, и я ему даже немного нахамил. Прости. Но теперь все хорошо.

Разговаривал он с оживленной, подкупающей непосредственностью:

– Почему же пришла ты? Где папа?

– Они в командировку уехали. В Америку.

– Сильно там у вас протекло?

– Немного.

– Деньги нужны? Компенсация, и все такое?

– Нет, спасибо.

– Да ладно? – вытаращился он на меня. – Всем деньги нужны.

– Думаю, само высохнет.

– Если вдруг понадобятся – скажи.

Эта фраза заставила невольно улыбнуться. И он, сообразив, что его выпендрож меня развеселил, ответил широкой, обезоруживающей улыбкой:

– Я серьезно.

Мне определенно стоило уйти, но что-то в его внешности, манере поведения и речи никак не отпускало.

С лестничной клетки отчетливо слышалась «Come undone». Макс в кроссовках забежал в кухню, сунул Артему в руки телефон:

– Карина звонит!

– Надо же, – поразился тот. – Работает еще. В следующий раз в унитазе утоплю. – Алло, – поднес трубку к уху, но голос его собеседницы раздался на всю кухню: – Говорила я тебе, маленький говнюк, не устраивать это сборище?!

Он с удивлением посмотрел на экран и попробовал отключить громкую связь, но ничего не вышло.

– Да плевать.

– Тебе на все плевать и на всех. На кой понадобилось созывать пол-Москвы?

– У меня вообще-то день рождения.

– Ну и debil! Не мог напиться, не привлекая к себе внимания? Мало у нас проблем? Я с утра до вечера занимаюсь тем, что косяки ваши улаживаю и отмазываю. А ты только развлекаешься.

– Ну это нормально. Это же вы на меня работаете, а не я на вас.

– Иди в задницу, Тёма.

– И вам доброй ночи, Карина Эдуардовна!

Артем швырнул многострадальную трубку на стол и принялся ворошить наваленное на подоконнике барахло:

– Где эти чертовы таблетки?

Макс по-прежнему стоял в обуви посреди кухни, между его бровей пролегли две поперечные складки. Артем подозрительно покосился на него.

– Пойду прогуляюсь, – объявил Макс и направился к выходу, но Артем поймал его за локоть:

– Можно не сегодня?

Макс обернулся, и стало заметно, что губы его побелели от напряжения.

– Мне нужно.

Они уперлись взглядами друг в друга.

– А давай пойдем к Вите? – вдруг предложил Артем. – У нее дома никого нет. И одеваться не нужно. Это тебе поможет?

Макс потер шею обеими руками:

– Возможно.

– Вот и отлично, – Артем бросил на меня быстрый взгляд, словно мое согласие было лишней формальностью. – Мы идем к тебе! Будем мешать спать. – А заметив мою растерянность, приятельски похлопал по плечу: – Шучу. Выпьем кофе и уйдем.

Как только вошли в мою квартиру, я полезла на верхние кухонные полки искать кофе, а они ушли в мою комнату. Наводить порядок там было поздно.

Я налила им по чашке кофе, достала лоток с мороженым.

Макс, закинув руки за голову и безжалостно придавив к стенке кривоухого ослика Паскаля, лежал на одеяле моей разобранной кровати и разглядывал постеры на стене, а Артем сидел за письменным столом и в ярко-белом свете настольной лампы с интересом доставал из стеклянной вазочки фигурки киндер-сюрпризов.

– Я так хотел, чтобы мне вот этот попался, – он поднял руку, показывая слоника с молотком и в каске. – Но собрал пять с книгой и ни одного с молотком.

– Хочешь, забирай.

– Правда? Тебе не жалко?

Неподдельная радость в его голосе насмешила. Было в нем нечто очень располагающее, словно мы знакомы давным-давно.

Отодвинув фигурки, я поставила перед ним поднос:

– Конечно, нет. У тебя же день рождения.

– Уютно тут, – Макс поудобнее устроился на подушке.

– Вот что значит нормальная домашняя обстановка, а у нас там, – он ткнул пальцем в потолок, – нерв сплошной.

– Нерв – это ты, – Артем звонко постучал ложкой о край чашки. – Мы из-за кого сейчас из дома ушли?

– Вита, можно я у тебя поживу? В тишине и покое.

Макс был милый и вызывающий доверие.

– Покой тут относительный, – я села на кровать к нему в ноги. – Сегодня мои одноклассники полчаса в окно долбили, пришлось под столом от них прятаться.

– Чего хотели? – заинтересовался Артем.

– Придурки просто.

– Вспомнил! Жирная! Это ведь ты, да? – Он обрадованно подался вперед. – И в этом подъезде не живешь. Ну-ка встань.

– Зачем?

– Давай-давай на середину комнаты выйди. Проверить хочу.

– Чего проверить?

– Да хватит уже. Что ты как маленькая?

Упрек действовал. Я осторожно встала на ковер, и он, развернув настольную лампу в мою сторону, весело скомандовал:

– Руки подними и покрутись.

Мне стало немного смешно, и поскольку лица его я видеть не могла, то выполнила это без особой неловкости.

– А кофту можешь снять?

– Шутишь? – Я запахнула полы. – Я же в пижаме.

– Тогда как мне понять, что ты не жирная?

– Но ты и так видишь. Я пятьдесят три килограмма вешу. А рост у меня метр шестьдесят шесть.

– Я вижу только ноги. С ними вроде бы все в порядке.

– Я сейчас даже хуже Эли. Подружки моей. А она всегда очень стройная была.

– Ну как хочешь, – он вернул лампу в прежнее положение.

– Нет, правда. Они специально так называют, чтобы обидеть.

– Да мне-то что? – Он снова взялся за слоников. – Даже если у тебя под кофтой тонна жира. Мы сейчас посидим немного и уйдем.

Подобное предположение прозвучало нелепо.

– Ну какая тонна? Мама говорит, ребра торчат.

– Да ты не переживай. Может, кофта тебя просто полнит. Лучше завари еще кофе, и покрепче, а то этот помоечный. Терпеть не могу все пресное и разбавленное.

– Полнит?

Я подошла к зеркалу. Даже в темноте зеркального отражения кофта действительно казалась объемистой, и майка с Тедди под ней, несмотря на глубокий вырез, наверняка выглядела лучше.

Я все-таки сняла дурацкую кофту.

– Сколько тебе лет? – неожиданно спросил он.

– Шестнадцать, а что?

– Готов спорить, ты еще с игрушками спишь, – он кивнул на изображенного на майке Тедди.

– Только с Паскалем, – призналась я. – Осликом, которого Макс вот-вот раздавит. Он у меня с трех лет. Дедушка, папин папа, подарил. Это он его так назвал. Мы даже когда отдыхать ездим, я его с собой беру. Потому что он без меня скучает. Все остальные нормально, а он грустит.

– Остальные?

Я показала на стеллаж с игрушками возле окна:

– Друзья мои.

Он вполне серьезно оглядел игрушки:

– Правильно. Друзей не убирают в коробки, не засовывают на антресоли.

Его одобрение прибавило уверенности:

– Я знаешь что думаю? Что тот, кто с легкостью избавляется от старых вещей, так же запросто поступает и с людьми.

– Какая глубокая мысль, – он изобразил удивление. – Так ты маленькая или взрослая?

– Хотела бы я сама знать.

– Извини, что так нагрянули. Страшно ломало тащиться куда-то на ночь глядя. Просто Макс собирался драпануть, а если ему взбрело это в голову, то я бы его не удержал.

– Куда драпануть?

– У него бзик. Чуть что не так – сразу бежать. Говорит – успокаивается. Но вообще, когда это происходит, он ничего не соображает.

– Ничего себе. Это болезнь такая?

– Это заскок такой. Три года уже. С тех пор как он из детдома смотался.

Я посмотрела на Макса. Он лежал с закрытыми глазами на спине и ровно дышал. Я накрыла его пледом.

– Он не похож на детдомовца. Даже ты больше похож.

Артем добродушно рассмеялся:

– С чего вдруг?

– Раньше я считала, что детдомовцы тихие и грустные, но, когда приехали со школьным спектаклем в детский дом, оказалось, что они непосредственные и довольно веселые, только наглые немного и злые. Их воспитательница объяснила, что им приходится быть такими, чтобы выживать в агрессивной среде. Потому что у них, в отличие от нас, нет никого, кто бы их любил просто так. Вот они и соревнуются, пытаются урвать кусочек внимания к собственной персоне и показать, что достойны этой любви.

– Тогда ты права. Макс действительно тихий и грустный.

– Почему же он сбежал? Его обижали? Издевались? Травили?

Симпатия к Максиму усилилась многократно.

– Если тебе интересно, могу рассказать про него.

– Конечно, интересно.

– Тогда неси кофе.

Я побежала за новой чашкой, куда сыпанула столько кофе, чтобы уж точно пробрало, но Артем, сделав глоток, даже не поморщился. Устроившись рядом с ним на кухонной табуретке, чтобы не садиться на кровать и не будить Макса, я приготовилась слушать.

– Когда ему было пятнадцать, его мать умерла, а родственников и знакомых, желающих повесить себе на шею взрослого пацана, не нашлось. Так что прямиком отправили в детский дом, – начал Артем, таинственно понизив голос, и я поняла, что он посмеивается над моим любопытством. – Сначала писал мне часто, типа: жив-здоров. Потом все реже, вроде к обстановке привыкать начал. Спортom увлекся. Вдруг ни с того ни с сего через пару месяцев присылает эсэмэску: «У меня проблема», перезваниваю – не подходит, на сообщения не отвечает. Я тогда в Англии учился. Звоню Кострову – это опекун мой, говорю: съездите, проверьте, что там. А он, мол, далеко – Брянская область, все дела... Ну, я в тот же день купил билет и ночью улетел в Москву. Притащился к Кострову, их дом неподалеку от нашего, и с самого утра мы с его сыном Василием поехали на машине к Максиму, а как приехали, выяснилось, что он сбежал, и его уже вторые сутки ищут. Василий истерить начал, что ему в Москву возвращаться нужно, на работу, и все такое. Ну я его послал и остался.

Артем замолчал, зачерпнул полную ложку мороженого и, заметив мой выжидающий взгляд, протянул ее мне. Пришлось съесть.

– Как чувствовал, что должен остаться, потому что через день Макс мне сам позвонил из какой-то деревни. Я вызвал такси, забрал его, и сразу в Москву поехали. Спрашиваю: «Что случилось?» А он такой: «Не помню».

Так вот, после этого побега у него все и началось. Нормально, нормально, а потом вступает. Раз так от стоматолога ушел прямо из кресла. А однажды в метро накрыло. Выскочил на первой попавшейся станции и втопил. Из кинотеатра может уйти и с лекции в институте.

– И как долго у него этот приступ длится?

– Пока не отвлечется от своего груза.

Задумчиво глядя перед собой, Артем наклонил голову. Косая рваная челка закрыла половину лица, и свет упал так, что я отчетливо поняла, что знаю его.

Когда-то давно, в далеком детстве, мы гуляли вместе на детской площадке. Мне – четыре. Ему лет семь или восемь. Нам было неинтересно друг с другом. Каждый занимался своим, просто у его няни и моей мамы находилось много общих тем для разговоров.

Но я его все равно запомнила по тому, как сильно он заикался и иногда с большим трудом произносил слова, тогда как я в свои четыре уже болтала без остановки. Помню, еще говорила маме, что этот мальчик очень глупый, раз не может выговорить ни «качели», ни «сосиска». Мама строго шикала, а дома объясняла, что люди заикаются не от глупости.

А потом их семья куда-то уехала из нашего дома, и появился он, только когда я ходила в третий класс.

Если бы не мама, я бы никогда не догадалась, что это тот самый заикающийся мальчик.

Она сказала: «Он невероятный талант и звезда», что было воспринято восьмилетней девочкой с хорошо развитой фантазией абсолютно буквально. Звезда! Его привозили и увозили на красивой серебристой, как космический корабль, машине. А за его спиной всегда висела большая-пребольшая скрипка.

Стройный, очень гибкий, с идеальной осанкой, гордо поднятой головой и этим огромным инструментом он действительно представлялся мне каким-то неземным ребенком. Который, в отличие от моих одноклассников, был всегда вежлив, улыбчив, хорошо одет, у него были большие белые, идеально ровные зубы, аккуратная стрижка и огромные голубые глаза. Блестящие, чистые и веселые. Какое-то время я даже любила его, пока он снова не пропал куда-то.

– Я тебя помню, – я обрадовалась ему, как старому доброму знакомому. – Ты заикался и носил виолончель. Помню, как-то шел дождь, ты выбрался из машины и, сняв плащ, укрыл ее, как будто девушку.

– Конечно, знаешь сколько она стоила? – Артем отставил чашку на стол. – За инструмент отец мне голову оторвал бы.

– Это так здорово! Ты больше не заикаешься.

– И не играю тоже.

– Но почему? Ты же был звездой, тебя по телевизору показывали. Молодое дарование, мальчик-вундеркинд.

Выражение игривой беспечности исчезло в долю секунды:

– Мы это не обсуждаем.

Сказал резко и безапелляционно, после чего открыл лоток с мороженым и принялся выкладывать его в остатки кофе.

– Расскажи лучше о себе.

– Я не знаю, что рассказывать. У меня ничего интересного нет. Учусь в школе. В десятом. Хорошо учусь. В основном сижу дома: или уроки делаю, или книжки читаю, или истории сочиняю. Вот и все.

– Что за истории?

– Да так, нечто наподобие сказок, но со смыслом.

Артем снова повеселел:

– Ты знаешь, что такое смысл? Круто!

– Если захочешь, могу потом дать почитать.

– Лучше сама мне почитай.

- Сейчас?
- Конечно. Только выразительно. Пока Макс спит. А потом мы уйдем.

Глава 4

– Скажите, у вас нет моего Каро? – Камилла прижималась к каждому стволу, гладила протянутую ветку, ласкала трепещущие листочки.

Деревья перешептывались. Они готовы были помочь, но среди них не было никого с таким именем.

– Какой породы этот твой Каро? – прошелестел Дуб.

Камилла грустно пожала плечами:

– Я не знаю, но если вы когда-нибудь встречали самое красивое дерево, то это наверняка он.

Больше недели шла Камилла к лесу и была сильно разочарована, увидев недоуменное колыхание деревьев. Ей казалось, что весть о Каро должна была облететь весь зеленый мир.

Солнце уже садилось, когда деревья, расступившись, открыли мирно поблескивающую в заходящих лучах речную гладь.

– Милая Речка, ты так далеко течешь, все вокруг слышишь и видишь. Не встречала ли ты Каро?

– Никогда о нем не слышала, – зазвенела Речка. – Попробуй спросить у Ветра, он как раз бежит следом и скоро будет здесь.

Ветер казался очень серьезным и бежал так быстро, что Камилла еле успела его окликнуть:

– Уважаемый Ветер, не встречали ли вы Каро?

Ветер взглянул на нее, и холодный поток воздуха попытался пробраться под одежду. Камилла стыдливо прикрыла грудь.

– Как же, встречал, конечно. Легкомысленный такой парнишка.

– Ну что вы, он очень хороший, – запротестовала Камилла. – Вы, наверное, говорите о другом Каро.

Ветер засмеялся, нагоняя на реку волны.

– Что ж, должно быть, это другой паренек, которого Лесная Колдунья превратила в дерево.

Одним движением он приблизился к девушке. Черты его лица все время изменялись. Ветер мог быть прекрасным и уродливым одновременно. Широкополая шляпа покрывала длинные волосы, а бесформенный плащ беспрестанно колыхался.

– Спроси лучше у Месяца, – сказал он и помчался дальше.

В горах оказалось очень холодно. Тоненькое платье Камиллы не грело, и, когда становилось совсем невмоготу, приходилось бежать. Через пять дней она поднялась настолько высоко, что земли уже и видно не было.

Месяц отдыхал в глубоком темном ущелье. И все вокруг было освещено удивительным серебристым сиянием. Камилла вступила в полосу света.

– Кто ты такая? – Месяц неохотно выплыл из своего убежища. Он заметно осунулся, но выглядел помолодевшим.

– Я – Камилла и ищу своего друга Каро.

Месяц задумался:

– Помню одного Каро, который любил хмельные танцы и веселье до утра.

– Каро радовался всему на свете, потому что ни у кого не было такой жизненной силы, как у него.

– И что же с ним случилось? – поинтересовался Месяц, убирая с глаз белую челку, делавшую его излишне женственным.

– Лесная Колдунья превратила его в дерево.

– Я слишком долго спал. Обратись-ка лучше к Солнцу.

Дорога к Солнцу оказалась значительно длиннее и тяжелее, чем она ожидала.

Однажды к ней привязался молоденький Волк. Он шел следом от самых гор, через вереницу полей, сквозь темные чащи и березовые рощи.

Волчонок оберегал Камиллу, когда та спала, грел, когда девушка мерзла, лечил, когда она заболела.

Болезнь сильно ослабила Камиллу, она осунулась и исхудала, но в глазах Волчонка это была самая прекрасная женщина на свете.

– Хочешь, я сделаю тебя самой богатой в мире? – спрашивал он, свернувшись клубком у ее ног. – Я знаю одну пещеру, в которой полно переливающихся камней и золота.

Камилла смеялась:

– Ну какое золото? С такой тяжестью далеко не уйдешь.

– А почему ты не пошла к Лесной Колдунье и не попросила вернуть тебе его?

– Конечно же, я пошла, – Камилла любила, когда он снова и снова спрашивал об этом, – но она сказала, что только от меня зависит, вернется Каро или нет. Что мне еще оставалось делать?

– Ты отчаянная, – Волчонок преданно смотрел девушке в глаза. – Неужели тебе не хочется отдохнуть? На свете есть немало прекрасных людей.

– Второго Каро не существует. Так бывает всегда: мужчинам достается сражаться с драконами, а женщинам – искать или ждать всю жизнь. Я предпочитаю искать.

Дом Солнца находился в роскошной, усеянной цветами долине. Деревянная лестница уходила высоко в небо и скрывалась за облаками.

– Я знаю, зачем ты пришла, – Солнце поднялось из глубокого кресла ей навстречу.

У него была длинная золотая борода и строгие, но очень ясные глаза.

– Обычно я не вмешиваюсь в дела людей, но тебе помогу, потому что ты такая упорная. И оно рассказало Камилле, где найти Каро.

Не чувствуя ног, девушка добежала до небольшой рощицы, раскинувшейся на берегу озера. В ней царили покой и прохлада. Время замерло, природа отдыхала.

Камилла остановилась возле могучего Вяза и осторожно поинтересовалась:

– Не вы ли Каро?

– Значит, ты Камилла, – склонилось к ней дерево. – Я так и понял.

Маленький Ясень, стоявший по соседству, тоже слегка подался вперед.

– Ты опоздала, – Вяз горестно кивнул, – видишь пенек? Еще два дня назад это было его место, но потом пришли люди и срубили его.

– Не может быть! – Крик Камиллы прокатился по всему лесу. – Это неправда! Пень выглядит слишком старым.

Камилла рыдала, уткнувшись в мягкий мох, а Волчонок вылизывал ей слезы и очень боялся, что она умрет от горя. Однако через несколько часов девушка поднялась на ноги, и в ее голосе появились суровые нотки:

– Мне придется повернуть время вспять! Я иду искать Короля Времени.

– Удивительная женщина, – восхитился Волчонок, глядя, как она решительно шагает прочь, – я никогда не оставляю ее, какие бы сумасшедшие идеи не пришли ей в голову.

И тут, за спиной, он услышал едва различимый шепот.

Ясень склонился к Вязу:

– Спасибо, что не выдал меня.

– Мне было очень тяжело это сделать, – отозвался Вяз.

– И нам, и нам, – послышалось со всех сторон.

Березы буквально обливались соком:

– Как ты мог? Она самая лучшая девушка на свете. Как можно было обмануть ее ожидания?

– Я никогда ничего не обещал ей, – разбушевался Ясень. – Вы просто не представляете, как она измучила меня своей любовью. Неужели это невозможно понять? Я не был готов к тому, чтобы провести всю свою жизнь с ней. Здесь покой и свобода, от меня никто ничего не ждет, я могу думать и созерцать. Поверьте, человеком быть гораздо обременительней.

Волчонок издал глухое рычание и кинулся на Ясень. Он прыгал, пытаясь дотянуться до веток, царапал когтями ствол, рвал зубами кору. Ему хотелось растерзать подлеца, уничтожить, превратить в щепки.

– Прекрати, – взмолился Каро, – я всего лишь ушел, позволив ей жить в свое удовольствие. Никто не виноват в том, что она сама себе напридумывала. Даже Колдунья поняла меня. Она сказала, что мы вправе выбрать, кем нам быть...

Волчонок замер и припал к земле:

– Обещаю, Камилла ничего больше не узнает о тебе и никогда не вернется сюда, но ты должен рассказать мне, где найти Лесную Колдунью!

Камилла очень расстроилась, когда обнаружила, что Волчонок не пошел с ней, бросив в тот самый момент, когда его поддержка была ей так необходима. Удивительно, насколько сильно она привязалась к этому зверю.

Однако Волк знал, что обязательно наверстает упущенное и догонит ее, но сейчас ему было некогда. Он мчался туда, где творила свое волшебство знаменитая Лесная Колдунья, и не сомневался: ему удастся убедить ее, что Камилла должна снова встретить Каро, такого, который не только позволит любить себя, но и сможет ответить тем же. Она заслужила это. И ей совсем не обязательно знать, кем он был прежде.

Пока я читала, Артем ни разу не перебил меня. Просто смотрел в черноту окна и слушал. А когда закончила, не оборачиваясь, неожиданно зло спросил:

– Ну и в чем здесь, по-твоему, смысл? В том, что парень готов даже дубом стать, лишь бы эта подруга от него отстала?

– Ясенем, – я немного растерялась от его слов. – Смысл в том, что, когда по-настоящему любишь, можно сделать невозможное.

– Именно. В том, чего не бывает в жизни, нет никакого смысла.

Он сгреб все отложенные фигурки и высыпал обратно в вазочку.

– Ты не веришь в любовь? – осторожно спросила я.

– Я верю только в продолжение рода, взаимную выгоду и удовольствие. А любовь – это вечное стремление человека доказать самому себе, что это он ее достоин. Жажда обладания и самоутверждения.

Тон был холодный и резкий.

– Иди-ка ты, Витя, поспи, – достав телефон, Артем дал понять, что разговор окончен. – Соберемся уходить, я тебя разбужу.

– Почему ты разозлился?

– Голова разболелась.

Это было очень странно, неожиданно и обидно. Ни с того ни с сего. На ровном месте.

Спать я не собиралась, но все равно ушла в родительскую комнату и в кромешной темноте завалилась на кровать.

С улицы между неплотно задвинутых штор шел слабый, едва уловимый свет уличных фонарей. Под окнами время от времени проезжали машины, лучи от фар то и дело пробегали по потолку.

В головную боль верилось слабо, и я мучительно пыталась отыскать причины раздражения Артема. Однако вскоре дверь в комнату отворилась:

– Не обижайся. Сказка хорошая, а вот я не очень.
Я не нашла, что ответить, и он ушел.

Никогда никто не нравился мне настолько, чтобы принять это за любовь. Нет, конечно, сначала я любила Дина Винчестера, потом Дилана О’Брайена, а затем Тайлера Джозефа. Но подобная выдуманная любовь еще больше побуждает желать реальной, настоящей, человеческой. Из плоти и крови.

Мама считала, что только ограниченные и недалекие женщины озабочены вопросами любви и отношений. Потому что из-за этого они перестают быть самодостаточными, полноценными личностями. Но что я могла поделать, если оно само думалось?

Артем вел себя так, словно прекрасно понимает, какое впечатление производит на людей. Знает, что нравится, и позволяет собой любоваться.

Увлечись таким человеком – хуже некуда, а как избежать этого – непонятно. Ведь до тех пор, пока он не разозлился на сказку, мне показалось, будто между нами возникло особое взаимопонимание, которое и словами-то не объяснить, просто чувствуешь, и все.

Постепенно свет фар начал блекнуть, тени на стенах растворились, и я провалилась в сон. А когда проснулась, часы на телефоне показывали одиннадцать.

Немедленно вскочив, я побежала в свою комнату, но там никого не оказалось. На кухне тоже. Кровать была аккуратно застелена, а поднос с чашками и пустым лотком из-под мороженого стоял возле раковины.

Они ушли, не разбудив меня, и это было обидно.

Я приняла душ, съела бутерброд и, не зная, куда себя деть, бесцельно побродила по квартире.

Мне определенно стоило больше общаться с людьми. Необязательно с одноклассниками – с другими, нормальными. Теми, кто нравится. Тогда, возможно, я смогла бы разобраться, почему я чудная и почему обычная сказка способна испортить приятный разговор.

– Вика, привет! Это Вита. Помнишь меня?

– Привет, – охотно откликнулась та. – Конечно. Синеглазая девочка, с кожей, как зефир, и голубем в рюкзаке.

– Я подумала, может, мы могли бы как-нибудь погулять вместе?

– Легко. Хочешь сегодня? В четыре нормально?

– Да, конечно, – спешно согласилась я, заметив возле стены в складках клетчатого пледа маленькую черную флешку. – Встретимся у того магазина за углом.

Сначала я хотела занести флешку, когда соберусь уходить на встречу с Викторией, но вскоре стало ясно, что терпения мне не хватит.

Дверь открыл Макс. Он был в белой футболке, синих спортивных шортах, босиком, растрепанный и раскрасневшийся. И я еще рта не успела открыть, как он выдал:

– Привет! Тёмы нет.

– Я не к нему. Вот, флешку нашла.

– О! Это моя, – он обрадованно сунул ее в карман. – Спасибо.

– Пожалуйста, – я спрятала руки за спину, чувствуя нарастающую неловкость.

Он тоже замялся.

– Высох? – Я кивнула на пол.

– Ковер в гостиной сырой.

– Понятно, – больше ничего на ум не приходило. – Артему привет.

– Слушай, – вдруг обрадованно спохватился он. – У меня для тебя кое-что есть. Идем!

Мы прошли в маленькую комнату, расположенную над моей.

Мебели в ней почти не было, лишь стол и кровать, но повсюду, даже на кровати, валялись какие-то железяки, проводочки, тетрадки и книжки. На приставленном к изголовью стулу висела одежда. Стол был завален мониторами и ноутами.

Только в самом центре на темно-синем ковре образовался небольшой островок, где, словно выставочный экспонат, лежали две черные гантели.

Макс подошел к балкону и открыл дверь. Там на широкой табуретке возвышалась пирамида из коробок с тортами.

– Выбирай. Этот придурок наказывал столько, что нам месяц ими питаться. А я сладкое терпеть не могу.

– Зачем же так много?

Макс осуждающе покачал головой:

– У нас все так. Ты вон туда глянь, – он указал пальцем в глубь балкона, где деревянные полки стеллажа были до отказа забиты пачками кофе, чая, соусами, бутылками с водой, пивом и прочей едой.

– Вроде не в голодные годы живем, – засмеялась я.

– Дело не в этом. Просто Тёма человек такой. Совершенно не умеет себя ни в чем ограничивать.

– Откуда же у вас столько денег?

– Не у нас, а у него. Я тут вообще на птичьих правах.

Мигом вспомнилась история про детский дом.

– Вы давно дружите?

Он прошелся пятерней по растрепавшейся челке. Запястья у него были широкие, а вся рука покрыта золотистыми волосками.

– Тёма дружит со мной с восьми примерно. Значит, лет одиннадцать-двенадцать. С небольшим перерывом.

– Ты не считаешь его своим другом? – удивилась я.

Макс улыбнулся, ожидая этого вопроса:

– Считаю, конечно, просто это он со мной дружит. Я его воображаемый друг.

– Как это? – Я в шутку потрогала его пальцем. – Ты же реальный.

– Для тебя. Но для него – нет. Он меня придумал, чтобы было с кем играть и устраивать акции протеста.

– Ты говоришь загадками.

– Я знаю, – улыбка стала шире. – Ну что, будешь брать торты?

– Нет. Мне не нужно столько сладкого и мучного.

– Надумаешь, заходи.

Мы вернулись в комнату, я снова окинула взглядом завалы и уже в коридоре предложила:

– А хочешь, помогу убратся?

– Он придет после восьми.

– В смысле?

– Брось. Я же не тупой и не слепой. У нас такое постоянно. Когда на съемной квартире жили – соседка за солью вечно ходила. Мы даже в кафе поесть не можем, чтобы какая-нибудь официантка вместе со счетом не принесла свой номер.

– Нет, ну что ты? Я – нет... Я просто. Я же флешку нашла.

От своего глупого лепетания мне самой стало стыдно, я опустила глаза, пробежалась взглядом по его золотистым ногам и, заметив на левой лодыжке небольшое, но красиво вытатуированное слово «Беги», уперлась в него.

– Хорошо, – сказал Макс. – Потому что тебе уж точно не стоит с ним связываться. Ты совсем маленькая, а он ушлый говнюк.

Он произнес это так, будто мы уже говорили на эту тему, и я внезапно сообразила, что они обсуждали это между собой.

– С чего это я маленькая? Вы всего-то на три-четыре года старше.

– Взрослым человек становится не от возраста, а от этого, – он провел ребром ладони по горлу. – Чем больше у тебя дерьма в жизни, тем быстрее взрослеешь. Вот и все. Взрослость – это постоянная готовность к геморроям и подставам. Не хотел тебя обидеть. Просто предупредил по-человечески.

– Спасибо. Очень любезно с твоей стороны.

– Ты все еще готова помочь с уборкой? Стараться можно не сильно, потому что в понедельник придет работница и переделает все по-своему.

На нашу встречу Вика опоздала минут на двадцать, так что я уже собиралась уйти. Но она прибежала, обняла и расцеловала, а затем потащила на другую сторону шоссе, где тянулся длинный ряд больших и маленьких магазинов со всякой всячиной: от лака для ногтей, заколок, телефонных аксессуаров до шуб и роскошных ювелирных салонов.

С Викторией было легко и весело. Она держалась так, словно все окружающие покинули свои дома только для того,

чтобы полюбоваться ею: эффектно встряхивала распущенными волосами, театрально распахивала глаза, беззаботно смеялась и держала прекрасную осанку, от чего ее округлая, обтянутая белой эластичной футболкой грудь под расстегнутой зеленой паркой была первым, на чем останавливался взгляд.

Удивительным образом Вика искусно балансировала между вульгарностью и детским эпатажем. Мужчины к ней так и липли. Пока мы дошли до торгового центра, с нами пытались познакомиться трое парней и один возрастной мужик. Остальные просто глазели со стороны.

Я рассказала ей о потопе, и она тут же заинтересовалась:

– И что эти ребята? Понравились тебе? Я хочу знать подробности. Чего стесняешься? – Громко рассмеявшись, она ткнула пальцем мне под ребра. – Я люблю обсуждать парней даже больше, чем шмотки.

– В двух словах не объяснишь. Они интересные. Совсем не похожи ни на кого из моих знакомых.

– Симпатичные?

– Один симпатичный и скромный, а второй по-настоящему красивый – как в кино.

– С красивыми не связывайся, – Вика небрежно махнула рукой. – Они либо тупые, либо оборзевшие, либо подлые. Этакая ловушка природы. Типа мухоморов. Яркие, но отравленные. Выбирай первого. Как его зовут?

– Максим. Он в детском доме был, а потом сбежал.

– Ой, нет, – Вика поморщилась. – С парнями из детского дома дела лучше не иметь. Мало того что они бедные, необразованные, без связей, так еще и совершенно непригодные к этой жизни. Ничего не знают, не умеют и считают, что им все должны.

Мне стало обидно за Макса:

– У него мама умерла, когда ему пятнадцать было. Ты только представь: живешь-живешь нормальной жизнью, а потом вдруг – детдом. Равнодушие и жестокость. Это ужасно. Тебя любили, заботились – и тут в один день пустота и холод. Как такое пережить?

– Подумаешь, – насмешливо фыркнула Вика. – Не несчастнее других. Я, может, тоже из детского дома. Что в этом особенного?

Я удивленно остановилась:

– Ты сирота?

Вика замялась.

– Мать в тюрьме отсидела десять лет, а как освободилась, нашла себе какого-то священника и с ним теперь живет. Я ее и не помню даже. А у отца пожизненное за ограбление и захват заложников. – Она бросила на меня осторожный взгляд и рассмеялась. – Что ты так смотришь, будто я сама криминальный элемент?

– Совсем нет. Просто я очень удивилась. Поразительное совпадение. Никогда не встречала никого, кто бы жил в детском доме, а тут сразу двоих.

– Нормальное жизненное совпадение, – Вика снова взяла меня под руку. – Так всегда бывает, не замечала? Какие-то вещи вдруг одновременно начинают происходить. Это значит, что жизнь тебе этим хочет что-то сказать. Мы с тобой не случайно познакомились и нужны друг другу.

– Думаешь?

– Несомненно, – она ласково прильнула к моему плечу и тут же игриво вскинулась: – Рассказывай дальше. То, что они красивые и бедные, я поняла, а вот чего в них особенного, пока не уловила.

– Они не бедные. Артем, кажется, богатый. У него есть машина, завал продуктов на балконе и уборщица.

– Да? Ну тогда тебе подходят.

– Шутишь? Это я им не подхожу. Это как думать, подходит ли мне Леонардо Ди Каприо. Приятно, но нереально.

Вика отмахнулась:

– Глупости. Все дело в самооценке. Если я захочу, то и Лео будет бегать за мной, как миленький, – она посмотрела мне на ноги. – Вот чего ты такие страшные джинсы носишь?

– Не знаю. Обычные.

– А давай тебе что-нибудь прикольное купим? – Мы остановились напротив торгового центра, вывеска которого пестрела модными брендами. – Что-нибудь такое, чтобы самой нравилось. Мне вчера немного денег привалило, потом как-нибудь отдашь.

Обычно всю одежду мы покупали вместе с мамой. Она говорила: «Кто-то же должен посмотреть, как сидеть будет», – но по факту выходило, что брали мы то, что нравилось ей. Совсем не модное, зато «приличное». Пару лет назад я попыталась взбунтоваться, однако мама очень сильно обиделась, что я «не доверяю ее вкусу» и хочу от нее отстраниться. Так что было проще носить эти древние шмотки, чем видеть, как она переживает.

Вика повела меня по магазинам. Но я не знала, чего хочу, поэтому бродили мы бесцельно, разглядывая все подряд. В одном месте, где продавались только джинсы, она подвела меня к куче скидочных моделей на низкой деревянной платформе и принялась активно их ворошить, доставая то одну, то другую. Черные, синие, серые – все узкие и обтягивающие, как лосины.

И тут на глаза попались широкие голубые джинсы с большими дырками на коленках и свисающей вокруг них бахромой. Моя мечта!

Я схватила их и сразу, без примерки, поняла, что они мне подходят. Вика тоже одобрила, пообещав подарить мне к ним джинсовку точно такого же цвета, которую она не носит из-за того, что слишком широкая, а она любит в обтяжку.

Домой я вернулась в семь, открыла и сразу поняла – тетя Катя приехала. В квартире было жарко, немного дымно и пахло жареной курицей с картошкой.

В последнее время мне этого очень не хватало.

Мы проболтали с ней до самой ночи, я даже о потопе рассказала, только про Дубенко и ночных гостей не стала говорить, чтобы не пугать и не расстраивать. А после ужина весь оставшийся вечер прислушивалась к музыке наверху, вспоминала новых знакомых и пыталась убедить себя в том, что они слишком непонятные и взрослые для меня и что видела я их всего ничего, а за такой короткий срок никаких привязанностей возникнуть не может. Но ни один рациональный довод не работал.

Точно так же, как прошлым летом, когда мы с родителями ездили на три недели в Болгарию к папиным родственникам в домик возле моря. По соседству с нами жили семьи отдыхающих из России. Три девочки пятнадцати – семнадцати лет. Одна из них, Лада, сначала

познакомилась со мной, мы даже немного погуляли вместе, но потом заметили двух других девчонок – сестер.

Они были загорелые, с длинными, выбеленными солнцем волосами, носили тонкие разноцветные майки без лифчиков и очень короткие шорты. Сестры катались на арендованных великах босиком и купались с утра до вечера. К ним постоянно ходили какие-то ребята – то ли местные, то ли из отелей. А по вечерам, надев хорошенькие цветастые платья, они отправлялись на танцы и возвращались иногда только под утро.

Родители их за это ругали. Но они все равно потом снова уходили гулять.

Нас с Ладой так и тянуло к этим сестрам. Однажды Лада сама подошла к ним на пляже и предложила поиграть в карты. Девчонки не отказались. Мы посели и довольно неплохо общались, до тех пор пока моя мама, загоравшая чуть поодаль, не заметила нас и не позвала меня обедать.

А за обедом строго высказала, что это нехорошие девочки, и мне с ними лучше не дружить. По ее словам, у них слишком много свободы, которая не идет им на пользу. Я, правда, не очень поняла, что нехорошего в свободе, но, зная маму, спорить не имело смысла.

Однако родители Лады не противились этому знакомству и даже взяли для нее в прокате велосипед. Так что она быстро перестала гулять со мной, и мне оставалось только наблюдать за ними со стороны.

Я изо всех сил убеждала себя, что ничего особо интересного у них не происходит. Что с ними наверняка и поговорить не о чем, но мне все равно очень хотелось купаться с ними, закапываться в песок, мазаться мороженым и бегать друг за дружкой по пляжу. Не говоря уже о вечерних походах на танцы.

Каждый вечер я садилась на крыльцо нашего домика и наблюдала, как возле их двора собирается целая компания.

Вечерний воздух пах солью, нагретыми камнями и хвоей, а мое сердце замирало от тоски по чему-то далекому, необъяснимому и прекрасному.

Вот примерно нечто похожее я испытывала, шепотом повторяя за Ланой «Kiss me hard before you go» и пытаюсь разглядеть на иссиня-черном небе хоть одну звезду.

Глава 5

– Ты не устала? – Ольга Леонидовна налила себе стакан воды.

Она так неожиданно это спросила, что я не сразу вернулась из своей истории в реальность.

– Совсем нет. А вы устали? Я бы могла рассказывать только то, что касается поездки, но вы просили с самого начала.

– Безусловно, я хочу знать все подробно. Мне очень важно понимать, о чем ты думала и что чувствовала перед тем, как все это случилось. Значит, ты испытывала эмоциональную подавленность и беспокойство, вызванное отъездом родителей? Проще говоря, тебе было одиноко?

– Конечно, мне было одиноко, а как может быть иначе, если впервые за шестнадцать лет остаешься одна?

– Очень хорошо тебя понимаю. Это совершенно естественно. Продолжай. Прости, что перебила.

Я поискала глазами потерянный текст и на какой-то момент задумалась: может, все-таки все началось с джинсов?

С Викой мы встречались еще несколько раз. Просто гуляли по улицам или сидели у нее в квартире, болтая обо всем подряд. Вике тоже было одиноко, она любила поговорить и в моем лице нашла отличного слушателя. Лишних вопросов я не задавала, и она рассказывала все подряд: то какие-то случаи из своего детства, то делилась грандиозными планами на будущее, то вспоминала сны, то вдруг начинала поучать, как правильно поступать и вести себя.

Ей нравилось меня опекать и назидательно делиться жизненным опытом. Вместе с тем о ней самой я знала очень мало. Лишь то, что она приехала из другого города и росла в детском доме. Вика научила меня краситься, смотрела, как я одеваюсь, и отдала мне широкую джинсовую куртку с белым мехом на воротнике.

В субботу я засиделась у нее допоздна, мы весь вечер сами готовили суши, а потом ели их и смотрели кино «Один день». Очень грустный фильм о любви и о том, как важно не упускать время, потому что его нельзя вернуть. Обхватив диванные подушки, мы обе рыдали в три ручья, так что вышла я от нее в растерзанных чувствах и смятении.

Я миновала сквер и только свернула к своему дому, как вдруг почти лицом к лицу столкнулась с Зинкевичем, Тарасовым и Дубенко. Все трое с банками пива в руках просто стояли посреди дороги. Увидев меня, Зинкевич присвистнул:

– Вот это сюрприз. А мы то думали, чем заняться.

Я попятилась.

– Эй, жирная, ты че, плакала? – Передразнивая, Дубенко громко зашмыгал носом.

Тарасов быстро забежал мне за спину, отрезая путь к отступлению.

Я поискала глазами прохожих, но как назло никого не было. Слезы мигом высохли, а ладони вспотели.

– Пожалуйста, только не сейчас.

Из-за всколыхнувшихся эмоций я чувствовала себя очень слабой и неспособной противостоять их напору.

– Что значит «не сейчас»? – сказал Тарасов. – А когда?

– Ой, гляди-ка, – воскликнул Зинкевич. – А коленки-то тебе кто ободрал?

Он сделал шаг навстречу, и я, машинально отпрянув, уперлась в Тарасова.

– Да что-то плохо рвали, – хмыкнул Дубенко, резко наклонился и, уцепившись за разрез на джинсах, дернул.

Послышался треск. Они заржали.

– Хорошо пошло, – Дубенко дернул за нитку с другой стороны.

Я попыталась оттолкнуть его, но получилось только хуже. Дырка над коленкой увеличилась.

В радостном возбуждении Зинкевич подключился к раздиранию моих джинсов, а Дубенко, схватив за лицо, с силой сжал пальцы на подбородке и обдал дыханием перегара:

– Сейчас мы проверим твоё тело на прочность.

В ту же минуту я почувствовала его руки на своих голых коленях.

«Нужно закричать, нужно закричать», – твердила себе, но от ужаса не могла и слова проронить. Даже звука издать.

Трясущимися от азарта пальцами Зинкевич принялся расстегивать на мне джинсовку, Тарасов держал сзади за плечи. Дубенко же, довольно похрюкивая, продолжал терзать штанины, все яростнее возя своими лапами по оголенным ногам.

Я понимала, что должна сопротивляться, но вместо этого с испуганной покорностью ждала, что они опомнятся и остановятся сами.

Однако, когда Зинкевич, справившись с пуговицами, сунул под куртку руку и схватился за грудь, во мне все-таки что-то включилось, сработал какой-то первобытный инстинкт самосохранения, и, не отдавая себе отчет, я вцепилась зубами в удерживающую плечо руку Тарасова.

Вскрикнув, он отпустил меня, а я, нагнувшись, прошмыгнула мимо их ног и бросилась бежать.

Сердце было готово выскочить от паники и ужаса.

Парни, конечно же, бегали быстрее, их было трое, и с веселым пьяным улюлюканьем они кинулись вдогонку.

На счастье, по дороге проехала машина, заставив их притормозить, и расстояние между нами увеличилось.

Вдалеке мелькали силуэты людей, но добежать до них я бы точно не успела, оставалось только кричать, но тут, сообразив, что я мчусь напрямик к Викиному дому, я рванула прямо в ее подъезд и, стараясь не думать о том, что будет, если они догонят, открыла металлическую дверь рывком, так же как Артем, когда я его в первый раз увидела.

Бежать нужно было на пятый, но уже на третьем этаже я услышала внизу их голоса.

Я подлетела к Викиной двери и принялась звонить и стучать, как полоумная.

Вика опасливо выглянула на площадку. Отпихнув ее, я заскочила внутрь и со всей силы захлопнула дверь.

Вика недоуменно уставилась на мои голые ноги и болтающиеся вокруг лохмотья. Я всхлипнула раз-другой и внезапно дико, безудержно разревелась, осев прямо на пол в коридоре.

Она быстро нашлась: подняла меня, отвела в ванную, умыла, передела в свой розовый спортивный костюм, уложила на кровать и принесла горячий чай с лимоном. После чего села рядом и пристроила мою голову у себя на коленях.

– Только не вздумай заморачиваться. Такое сплошь и рядом происходит. В детском доме все в разы хуже. Один раз физрук среди ночи пьяный завалился, еле отбились вчетвером. А наутро оказалось, что мы ему палец сломали, и нас две недели заставляли туалеты мыть. В другой раз уборщица мокрой тряпкой избила прямо в душе за то, что у меня с сапог комья грязи насыпались в комнате. В душе видеорекамер нет, и они постоянно там нас подлавливали. А воспитателям по фиг. И там, знаешь, никто тебя жалеть не будет. Поэтому ни ныть нельзя, ни расслабляться. Просто пойд и убей их.

– Что? – Я решила, что ослышалась.

Вика весело рассмеялась:

– Ладно. Шучу. Но я бы это так не оставила.

И она принялась подробно рассказывать, как однажды в девять лет собрала вещи и решила сбежать из детского дома.

Выбралась с утра пораньше и пошла пешком до поселка, чтобы там сесть на автобус. Однако далеко уйти не успела, потому что по дороге на нее набросилась дикая собака, разорвала одежду, искусила руки и ноги и если бы Вика не дотянулась до палки, то, возможно, и загрызла бы насмерть. Так что обратно пришлось почти ползти.

Потом ей наложили множество швов, которые сильно болели до тех пор, пока она не договорилась со старшими мальчишками, чтобы они нашли и убили ту собаку. И только после этого у нее перестало болеть.

Колени у Вики были мягкие, а руки теплые, от нее пахло гелем для душа и кремом. В глубоком вырезе халата на пышной груди мерно покачивалась тонкая золотая цепочка, Вика гладила меня по волосам, и это действовало очень успокаивающе.

– А потом появился Фил и увез меня оттуда.

– Кто такой Фил? – У нее отлично получалось заговаривать мне зубы, не давая возможности вспомнить о Дубенко.

– Парень мой. Мы не часто встречаемся.

– Почему?

– Он женат. Но иногда приходит переночевать.

После этих слов Вика стала в моих глазах существенно старше. Такие отношения казались мне за пределами взрослыми.

– Ты его так сильно любишь?

– Я никого не люблю, – Вика пожала плечами. – Ну и потом, Фил сказал, что убьет меня, если я буду ему изменять с кем-то постоянным.

Я смотрела снизу-вверх на ее красивое лицо и пыталась представить, как можно быть с человеком, которого не любишь.

– От любви вообще одни неприятности, – сказала она. – А у меня большие планы на жизнь.

– Но разве любовь не может входить в эти планы?

– Конечно, нет. Любовь заставляет людей совершать всякие глупости и страдать.

– И тебе не обидно, что он живет с женой, а к тебе приходит только ради... Ради ночи. Мама говорит, что это унижительно.

Вика выразительно закатила глаза:

– Много твоя мама понимает. Секс для мужчин равен любви. Если у тебя с этим все хорошо, значит, и любить будет именно тебя. Ты как будто с неба свалилась. Так что это пусть его жена обижается.

– Но получается, что он тебя использует.

– Ничего подобного. Это я его использую. Это его квартира. И денег он мне дает. Ты такая еще маленькая, Вита, просто не верится. Я в твоём возрасте уже двоих бросила и с Филом начала встречаться. Он к нам в командировку приезжал. Все, спи. Завтра проснешься и уже не вспомнишь про этих своих придурков.

Вика встала и погасила свет. Я подвинулась, она легла с краю, ко мне спиной, и через минуту до меня донеслось ее размеренное дыхание, а у меня перед глазами все еще стояли омерзительные морды Зинкевича и Дубенко.

Проснувшись я от громкого разговора в коридоре и пока не разлепила глаза, думала, что это мама с папой снова спорят из-за старых папиных ботинок, которые он десять лет не может выкинуть. Но потом услышала Викин жалобный голос и сразу все вспомнила.

В следующий миг дверь в комнату распахнулась, зажегся свет, и из-под прикрывающей глаза руки я увидела молодого пухлого мужчину в расстегнутом пальто. Лицо его было красное,

большой, с уже наметившимися залысинами лоб блестел от пота, глаза сверкали. Он нервно сжимал-разжимал кулаки и явно был сильно зол.

– Ну вот, видишь, подружка. Говорю же! – суежилась возле него Вика.

– Тупая ты, бестолочь, – зло рявкнул он. – И какого, спрашивается, черта я к тебе перся?

– Ну прости, пожалуйста, Фил, я же не знала. Ты должен был предупредить.

– Что? – взревел он. – Должен?

– Извини, я не так выразилась. Я имела в виду...

– Еще вякнешь что-нибудь в этом духе – вылетишь отсюда со свистом. Поняла?

– Конечно, прости, пожалуйста. Если бы я знала...

Видеть унижающуюся Вику было удивительно и неприятно.

– Еще докладывать тебе о своих планах. Много чести. Захотел – приехал. Все! Ты должна сидеть тут и всегда быть готовой к моему приходу. Одна! Ясно?

– Я могу уйти, – сказала я.

– Поздно. Все настроение испортили.

– Умоляю, успокойся, – Вика ласково обхватила его руку, прильнула к плечу, но он с силой оттолкнул ее и вышел из комнаты.

Она побежала за ним:

– Приходи завтра, хорошо? Придешь?

Дверь громко хлопнула.

Перемену, произошедшую с Викторией, когда она вернулась в комнату, описать трудно. Это была странная смесь горечи и отчаяния. Она постояла несколько секунд, глядя на меня немигающим взглядом, а потом, вцепившись пальцами себе в волосы, рухнула на колени и разрыдалась.

Мигом соскочив с кровати, я кинулась к ней.

– Тварь, тварь, тварь, – повторяла она.

– Не волнуйся, он простит тебя. Ты же ничего плохого не сделала.

– Простит, конечно, – сквозь рыдания проговорила Вика. – Только я не могу больше его терпеть.

– И не терпи. Он некрасивый, грубый и старый.

– Ему тридцать два.

– Я и говорю, старый. Ты такая красивая и добрая. А он плохой человек, это видно.

– Спасибо, – горячими от слез губами она прижалась к моим, и я почувствовала привкус ее слез. – Но что со мной станет, если я не буду его терпеть? Как я буду жить и где?

– А если тебе устроится на работу и снимать комнату? Папа про студентов своих рассказывал, они приезжают из других городов и так живут.

– На работу? – Ее голос снова дрогнул. – Это значит не видеть мне никакого театрального. Но это невозможно. Раз я решила, то должна добиваться своей цели. А Фил еще пожалеет. Найду себе кого-нибудь другого и сразу пошлю его. И не просто пошлю, а приду к его жене и расскажу, какой он гад...

Внезапно она замолчала и с неожиданно вспыхнувшим живым интересом подняла на меня глаза:

– Слушай, помнишь, ты про тех ребят рассказывала? Соседей своих? Говорила, что один из них богатый? Познакомь.

Я встала и, обдумывая ее слова, перебралась на кровать.

– Тебе хорошо, у тебя и мама, и папа есть, – продолжала она. – Они тебя всем обеспечивают: и жильем, и едой, а мне как-то крутиться нужно. На актерское поступлю, отучусь, потом в Голливуд уеду. Придешь ко мне в Голливуд? Я тебя хоть с Лео, хоть с Диланом познакомлю. С кем попросишь, с тем и познакомлю.

- Я этих ребят больше не видела.
- Ну так зайди, позови куда-нибудь.
- Да это как-то не очень прилично. Девушки не должны сами навязываться.
- Глупости, – Вика пересела ко мне и положила руку на коленку. – Я тебя очень прошу.

Ты же хочешь мне помочь?

- Хочу, конечно, только нужно подумать.
- Правильно! Ты подумай немного, а потом познакомишь.

В понедельник я встала, как обычно, в семь двадцать, на автопилоте умылась, сварила сосиски, которые до маминого возвращения могла есть беспрепятственно, надела школьные форменные брюки, блузку, серый кардиган.

За окном шел дождь. Барабанил, шелестел, капал. Ветер тихонько гудел в правой створке кухонного окна.

Прислушиваясь к этим звукам и глядя то ли на себя, то ли в себя, я просидела перед зеркалом бог знает сколько времени. Затем, поймав осуждающие взгляды плюшевых друзей, сообразила, что опаздываю. Вылетела из подъезда, на ходу открыла старенький зонт, которым не пользовалась с прошлой осени, и поняла, что ткань на трех спицах оборвана. Вода лилась потоком. Ничего не различить. Первый настоящий дождь в этом году.

Ноги в коротких ботинках промокли сразу, рукава куртки тоже. Жалкий перекособо-ченный зонт приходилось держать над головой обеими руками, как шляпу. С горем пополам, шлепая по лужам, я все же добежала до школьного двора, но потом вдруг остановилась и со всей ясностью поняла, что не могу туда идти. Просто не могу, и все. Что-то екнуло внутри и застопорилось. Добровольно подняться на эшафот и то было бы проще.

За спиной – тихая, уютная квартира с еще не остывшим чайником и кроватью, стопка новеньких книг, дожидаящаяся каникул, теплые носки и жестяная коробка с фигурным печеньем, впереди – пустые и озлобленные лица, при мысли о которых меня начала колотить дрожь.

Домой я вернулась потрясенная простотой освобождения. Из-за все еще витавших запахов вареных сосисок, зубной пасты и моих духов казалось, словно в квартире кто-то есть.

Раньше я думала, что стоит один раз прогулять школу, и вся Москва тут же узнает об этом. Тебя заклеят позором и заставят прилюдно раскаиваться. Что вечером того же дня телефон будет разрываться от звонков: классная руководительница, директор, завуч – все захотят высказать моей маме, как они меня осуждают. А еще в этот день обязательно случатся все возможные контрольные и проверочные, переписать которые уже никогда в жизни не получится. И еще много чего ужасного произойдет из-за одного только прогула.

Но я не пошла в школу, и ничего страшного не случилось. До меня никому не было никакого дела.

Когда у тебя хорошее воображение, справиться с неприятностями гораздо проще. Достаточно лишь закрыть глаза, включить любимую музыку, и удивительные истории начинают складываться сами собой.

Например, что я умею предчувствовать плохое и могу предупреждать людей о грозящей им опасности: о гибели в автокатастрофе, страшном пожаре или о грабителях. Или что я научилась останавливать время, чтобы избежать плохого, как Хиро Накамура в «Героях». Или ко мне в школу приходят братья Винчестеры и наказывают Дубенко.

Мама говорила, что для того, чтобы чувствовать себя уверенно с людьми, нужно тренироваться перед зеркалом – ведь только так возможно понять, как ты выглядишь в периоды расстройств, радости, злости, удовольствия. И я смотрела. Долго смотрела. В конечном счете почти уверившись, что по ту сторону зеркальной поверхности нахожусь совсем другая я. Смелая и решительная. Способная уверенно подняться на второй этаж и без малейшей доли смущения пригласить на свидание двух ребят, которым это приглашение совершенно не сдалось.

Как и в прошлый раз, открыл Макс, и я с порога выложила, что зову их в субботу гулять. Он внимательно, но без удивления выслушал и махнул рукой в сторону кухни: «С этим туда».

Артем сидел, развалившись на стуле и закинув босые ноги на подоконник. В поврежденной руке он держал планшет, а второй что-то быстро писал. Бандаж в этот раз был надет поверх широкой домашней майки с низко свисающими прорезями рукавов.

На столе стояла коробка с половиной торта, в центр которого была воткнута большая ложка, и открытая бутылка вина. Он мельком глянул на меня, просто сказал «ща» и продолжил переписываться.

Я села возле стола и могла видеть только его профиль: коротко стриженный висок, круглую черную сережку, темные опущенные ресницы, немного нервно раздувающиеся ноздри и сосредоточенно поджатые губы. Потом он вдруг обрадованно улыбнулся своим мыслям, скинул ноги с подоконника и уперся локтями в колени. Предоставив мне еще несколько минут любоваться рванными перьями волос на затылке, черными полосами тату на предплечье и гуляющими под майкой лопатками.

Затем, резко отложив планшет, развернулся ко мне и строго оглядел:

– Раздевайтесь.

– Что?

Он тут же расхохотался:

– А чего ты как на приеме у врача? Сидит тут, стесняется. Возьми себе бокал.

– Нет, спасибо, я по делу.

– Хорошее вино, кстати. Итальянское, – Артем сделал большой глоток прямо из бутылки и помахал ею передо мной. – Что за дело?

Его расслабленная непосредственность смутила сильнее, чем сдержанность Макса.

– У меня есть подруга... – сказала я, чувствуя, что краснею.

– Так...

– В общем, я просто пришла позвать вас погулять в субботу. В парк Горького сходить или еще куда.

– Серьезно? – Не скрывая насмешливого умиления, он наигранно вскинул брови. – Вы с подругой зовете нас с Максом на свидание?

– Нет. То есть да, но не совсем. Лично я нет, но в целом да, – и, прежде чем он успел что-то ответить, добавила: – Ты не думай, моя подруга очень красивая. Она актрисой будет. Она классная. Честно.

– Тоже школьница?

– Нет. Ей девятнадцать.

Он отломил ложкой кусок торта, целиком отправил в рот и запил вином:

– Когда, говоришь?

– В субботу.

– Эй, Макс, – крикнул он в коридор. – Ты что в субботу делаешь?

Затем, не дожидаясь ответа, быстро встал, весело потрепал меня по волосам, достал из шкафчика над раковиной бокал и, поставив передо мной, наполнил вином.

– Подруга – это хорошо, – он чокнулся бутылкой с бокалом и выпил. – Но дело в том, что у меня тоже есть подруга, и она не особо одобряет прогулки с чужими подругами. Понимаешь?

Предположить, что он ответит нечто подобное, было несложно, поэтому я оказалась готова.

– Вот и отлично, – я бодро поднялась со стула. – Тогда пойду.

Артем поставил бутылку, сунул руки в карманы штанов и озадаченно нахмурился:

– Не понял. В чем подвох?

Его искреннее удивление придало еще большей уверенности.

– Для дела нужно было. Но теперь все в порядке.

Я развернулась, чтобы выйти, и тут же врезалась в Макса, который неслышно подошел и стоял у меня за спиной.

– Что я пропустил?

– Кажется, это был какой-то приколы, – Артем растерянно потер подбородок. – Но я его не понял.

– Ничего не приколы, – как можно беспечнее ответила я. – У меня было задание пригласить на свидание кого-то, кого по доброй воле я бы никогда не стала звать. Я пригласила. Вы отказались. Все отлично.

– От кого задание? – спросил Макс.

– От подруги. Мы с ней играем в «Правду или действие».

– С той самой, которая классная? – уточнил Артем.

Я кивнула.

– Я не отказывался, – сказал Макс. – У меня вся суббота свободна.

– Так я тоже не отказывался. Лишь расставил некоторые акценты.

– Это совсем необязательно, – внутренне я уже ликовала. – Это просто игра.

– А мы любим игры, – Артем картинно облокотился о плечо Макса. – Да, котик?

– Мы очень любим игры, – подтвердил Макс, которого «котик» ничуть не смутил.

– Короче, в субботу. В три. У главного входа в парк, – объявил Артем так, словно сам все это затеял.

– Хорошо, – я была очень довольна собой. – Поговорю с подругой.

Глава 6

Суббота выдалась солнечная, но прохладная. Ветер налетал пронизывающими порывами, то норовя унести мой шарф, то скидывая с Вики капюшон. Обеими руками она придерживала его за розовый мех, но куртку не застегивала, хотя и мерзла.

Небо было очень яркое. Голубое. Необычайно голубое, а солнечные лучи ощутимо грели. В воздухе витали головокружительные весенние запахи. На прогретых, не тронутых асфальтом участках земли громко ворковали голуби, а лица прохожих выглядели непривычно расслабленными.

Всю дорогу, пока мы шли от метро, каблук на Викиных коротеньких сапожках весело и беззаботно стучали. Я исподтишка любовалась ею и гордилась, что мы вместе.

Ребят мы заметили издали – оба ковырялись в телефонах. Макс, спрятавшись под огромным капюшоном темно-коричневой безразмерной толстовки, полусидел, опершись о каменное основание декоративного фонаря. Артем стоял напротив него. Как и в тот раз, весь в черном, рукава куртки засучены до локтей, на запястьях обеих рук кожаные фенечки, длинная челка забрана резинкой на макушке. На ногах высокие шнурованные ботинки.

Я толкнула Вику локтем, она проследила за моим взглядом и растерянно сбавила ход:

– Ты не предупредила, что они неформалы.

– Какая разница?

– Большая. Это значит, что они несерьезные и глупые.

– Они так же про нас думают.

– Да? – Вика посмотрела на меня из-под длинных густо накрашенных ресниц. – Ну это мы еще посмотрим.

Она решительно устремилась напрямик к ним, и я, глубоко вздохнув, точно намереваясь нырнуть, побежала за ней.

– Привет. Я – Вика, – не дожидаясь, пока я их познакомлю, она протянула руку.

– Привет, – окинув ее откровенно оценивающим взглядом, Артем ответил на рукопожатие, но не назвал. Затем коротко кивнул мне.

Макс же, наоборот, представился, однако руку пожимать не стал.

– Ну, чем займемся? – кокетливо поинтересовалась Вика.

Брови Артема заинтересованно взлетели:

– А что ты можешь предложить?

– Вот это я и хочу понять, – откликнулась она в том же многозначительном тоне, и они принялись гипнотизировать друг друга, пока Макс не сделал лицо, достойное Роберта Дауни на меме, и не потащил всех в парк.

Снег под густыми кустами еще кое-где лежал, но большая часть растаяла, и в солнечных местах земля уже готовилась к появлению молоденькой травки. На деревянных лавочках вдоль асфальтовой дорожки тут и там сидели люди. Все они старались повыше задирать подбородки, подставляя лица долгожданному теплу.

Мы свернули в сторону набережной, и с первой же минуты Вика с Артемом начали общаться, как старые знакомые. Я знала, что они понравятся друг другу, но не думала, что так быстро.

Она была воплощением Афродиты, а он звездным мальчиком. Оба прекрасны, обаятельны и самоуверенны. Им не нужны были какие-то особые темы для разговора. Они просто шутили, смеялись и рассказывали о своем. Вика держалась раскрепощенно, с изрядной долей чувственного кокетства, а Артем, вступив с ней в откровенное соперничество за зрительское внимание, бесстыдно и заносчиво красовался.

Начала Вика с того, как мы с ней познакомились, а после переключилась на театральное училище и свои грандиозные планы в актерской карьере. Рассказывала многословно и увлеченно с такой убедительной уверенностью, будто все уже случилось, вершины покорены, и если мы хорошо попросим, то она любезно согласится дать автограф.

Какое-то время Артем, засунув руки в карманы джинсов, шел рядом и в нужных местах одобрительно кивал. Однако по ироничному взгляду было понятно, что он просто подыгрывает, и, в конце концов, утомившись слишком долго молчать, Артем провокационно сказал:

– В актерстве нет ничего сложного. Всем людям постоянно приходится из себя что-то изображать.

Вика с любопытством прищурилась:

– И что изображаешь ты?

– Только то, что ты хочешь видеть.

– Мы же только что познакомились.

– Я с первого взгляда это понял. Тут все очень просто.

– А может, то, что ты понял, я уже изображаю?

– Это вряд ли.

И они начали перекидываться странными неоднозначными фразочками, отчего наше присутствие с Максом стало казаться лишним.

Однако Макса эта ситуация ничуть не тяготила. Он охотно слушал их игривую перепалку и не прекращал украдкой разглядывать Вику, а когда ловил мой взгляд, смущенно улыбался.

Москва-река блестела и переливалась на солнце, по ее глади мелкой рябью бежали размытые белые облака, и, если долго на них смотреть, создавалось впечатление, что ты плывешь вместе с ними.

– Мы однажды в апреле купались, – сказал Макс.

– Холодно? – спросила Вика.

– Больно, – посмеиваясь, ответил Артем. – Животы отбили.

– Прыгнули с берега в озеро, – пояснил Макс, – и оказалось, что оно только сверху растаяло. Как два карася, о лед колотились, рыбы чуть со смеху не умерли. Было весело.

– Тебе-то весело, а я потом несколько дней дышать не мог. У нас так всегда, – Артем обратился ко мне, точно ища поддержки. – Ступенька на лесенке ломается именно подо мной, тормоза отказывают на моем велосипеде, это я заражаюсь ветрянкой от соседских девчонок, я болеваю воспалением легких, это меня обжигает петарда, забирают в полицию и выбрасывают из окна. Котик – удивительно везучий человек.

– Котик? – искренне удивилась Вика. – Вы что, геи?

– Я – нет, – поспешно ответил Макс.

– Тогда почему «котик»? Тебя это не задевает?

– Нет.

– А можно я тоже буду так называть?

– Можно, – и он, сунув руки в глубокие карманы, пошел прочь от реки.

– Чего это он? – захлопала глазами Вика.

– Застеснялся, – небрежно ответил Артем. – Детское прозвище. Мама его так называла.

Побродив немного по аллеям, мы дошли до Музея современного искусства. Я предложила сходить на какую-нибудь выставку, но Вика сказала, что разглядывать непонятные картинки невыносимо скучно, и Артем повел нас пить кофе.

В тихом симпатичном кафе с красными в белую клетку скатертями и такими же красными, низко свисающими с потолка абажурами посетителей почти не было.

Не спрашивая о наших предпочтениях, Артем заказал всем по чашке кофе и пирожные.

А пока ждали заказ, Вика стала допытываться, чем они занимаются, и после нескольких минут уклончивых и шуточных ответов ей удалось выяснить, что Макс учится в Физтехе и

подрабатывает в какой-то фирме по ремонту компьютеров. А вот где учиться Артем, понять мы так и не смогли. За два года он поменял три университета, и нигде ему не нравилось.

Он собирался рассказать про свою работу, но отвлекся на суровую бабушку, громко отчитывающую внука лет семи за то, что он «ни на секунду не выпустил из рук телефон» и «окончательно отупел».

Выхватив у мальчика мобильник, бабушка достала из своей сумки горсть машинок и швырнула на стол:

– На вот, играй.

При виде машинок лицо ребенка скисло, тогда как глаза Артема загорелись:

– Смотри, котик, это же Хот Вилс! Синий Додж Чарджер, как тот, что в духовке сгорел, и Дикси Челленджер, и Фаст Фиш, и... – Не договорив, он вскочил со стула и метнулся к мальчику. – Можно мне посмотреть?

Мальчик удивленно поднял глаза.

– Вообще-то у меня нужно спрашивать, – возмущенно заявила бабушка.

Артем лучезарно улыбнулся:

– Можно?

Неодобрительно скривившись, женщина все же разрешила, а как только Артем сел за их столик, Макс, со словами «ща придем», побежал к ним и пристроился рядом.

Вика выставила перед собой кулачки, положила на них подбородок и, посмотрев из-под длинных черных ресниц, спросила, заранее зная ответ:

– Как думаешь, я понравилась ему?

– Конечно.

– Дурака валяет, но в этом что-то есть. На лицо – хорош, да и шмотки дорогие. А главное, квартира есть без родителей и прочих дурацких родственников. В моей ситуации – идеальный вариант. А ты давай Максом займись. Бог с ним, с детдомом. Так веселее будет.

– Как заняться? Это же должно само получиться. Чтобы я ему понравилась и он мне.

– Боже, Вита, ну что за наив? Такое чувство, что ты живешь в каком-то счастливом утопическом мире, где принцессы какают фиалками, а детей приносят аисты. Тебе, вообще, нужен парень или нет?

– Я не знаю.

– Ничего-то ты не знаешь! – Вика немного разозлилась. – Ну хотя бы для меня можешь сделать вид, что он тебе интересен?

– Наверное, могу, но зачем?

– Видела, как он пялится? Это может все испортить. У парней так бывает. У друзей. Типа не ссориться из-за женщины, пытаться уступить и всякая прочая чепуха. А мне нужно все как можно быстрее обставить, чтобы Фил не чухнулся. Просто отвлеку Макса.

– Я не умею ничего такого.

– Все ты умеешь. Ты очень хорошенькая и, если бы не скромничала постоянно, была бы шикарной красоткой. Просто будь активнее: смейся, жалея его и говори, какой он умный. За руку поддержи, о большем просить тебя как-то неудобно.

Когда Макс с Артемом вернулись, их кофе остыл, и Артем заказал новый. Так что сидели мы еще долго, а выйдя, обнаружили, что на улице уже начало темнеть, и повсюду зажглась нарядная подсветка.

И аллеи, и набережная, и павильоны, и кафе – все светилось мягким, нежно тающим в легких весенних сумерках желтым светом. В воздухе витало предчувствие скорого тепла и приятное волнение. Ветер стих.

Мы неторопливо брели мимо еще закрытого в это время года сезонного кафе, когда возле открытой веранды я заметила двоих плечистых парней в спортивных ветровках с надписью

«Russia». Они прижали к деревянным перилам худенького паренька и пытались снять с него рюкзак. Паренек сопротивлялся упорно, но тихо.

– Смотрите, – сказала я ребятам. – Может, в полицию позвонить или позвать кого-нибудь?

Макс с Артемом странно переглянулись.

– У главного входа, – сказал Макс и тут же переместился к фонарному столбу, а Артем, бросив нам «ждите здесь», по-мальчишески развязной походкой направился напрямик к странной троице.

Он подошел к пареньку и обнял за плечи. Тот испуганно шарахнулся в сторону, но Артем удержал его:

– Помощь нужна?

Все трое растерянно уставились на него. У обоих парней были густые, страшные бороды. Только у одного черная, а у другого рыжая.

– Иди своей дорогой, – рявкнул чернобородый.

– Уже пришел, – Артем улыбнулся.

Второй опустил рюкзак:

– Пусть деньги отдаст.

– Что за деньги?

– Мои деньги, – сказал чернобородый. – Из кошелька. Три тысячи.

– Я кошелек нашел, – снимая руку Артема с плеча, сказал паренек. – Вон там, возле столба. Просто поднял, даже не смотрел, что там... А теперь они обвиняют меня, что я забрал их деньги. Но я ничего не брал!

– Сколько? Три? – Артем закатил глаза, словно речь шла о сущем пустяке, полез во внутренний карман и, вытащив оттуда пачку денег, принялся перебирать купюры.

– Не давай им ничего, – паренек удержал его за руку. – Это известная разводка.

Однако при виде денег рты у парней пооткрывались.

– Есть только пять, – сообщил Артем, хитро поглядывая на их лица.

Он так махал этой пачкой, что выхватить ее ничего не стоило.

– Можно и пять, – рыжебородый осмотрелся по сторонам, проверяя, много ли людей вокруг.

На несколько секунд остановил на нас взгляд, но, когда Артем сказал: «А хотите десять?» – моментально отвлекся.

– Ну.

– Тогда нужно извиниться. Сначала перед ним, – он похлопал паренька по спине. – А после передо мной. Только как следует. Так, чтобы я поверил. С чувством подлинного раскаяния и самоуничижения.

Парни переглянулись.

– Само что? – переспросил чернобородый.

– Критического снижения уровня самооценки, проявляющегося унижением своей личности, – охотно пояснил Артем. – Ну, то есть вы должны совершенно искренне признать, какие вы наглые мрази и кидалы.

Рыжий резко выбросил руку вперед, но Артем быстро отпрянул, сделал пару шагов назад, ловко перемахнул через доходящие ему до пояса перила и остановился возле ряда деревянных уличных столиков.

– Не хотите, как хотите. Никто не навязывается, – он кивнул пареньку, давая понять, чтобы тот уходил.

Однако бородачей больше не интересовала их недавняя жертва. Оба, медленно приближаясь, смотрели только на Артема.

Черный, перегнувшись через перила, попытался ухватить его за куртку, но Артем, увернувшись, громко и нахально рассмеялся. И рыжий, уже не скрывая воинственного настроения, тоже кинулся к нему. Артем легко запрыгнул на лавку, с нее – на столик, перебрался на следующий и соскочил с уличной стороны на некотором расстоянии от парней.

– Придется все же признать, что вы мрази. Пацан один, маленький, а вы его кинуть решили. Ну что за дела?

Рыжий попытался подкрасться со стороны столиков, а чернобородый попер напрямую:

– А ну иди сюда. Я тебе сейчас язык твой поганый вырву. Ты кого мразью назвал?

– Вы такие прикольные, – Артем немного отбежал и снова перепрыгнул к столикам, оказавшись на расстоянии метра-двух от рыжего. – Я бы с вами тут хоть целый день в салки играл, но как-то неудобно, меня девчонки ждут.

Черный тоже ломанулся через перила, но вышло неудачно, на несколько секунд он неуклюже завис на животе, и Артем, издевательски хохоча и отбегая по столикам подальше от рыжего, крикнул Максусу:

– Ты этого беременного бегемота снял?

Макс молча поднял большой палец. В руках у него был мобильник, и он записывал на него все это представление.

Бородачи разозлились не на шутку. Рыжий пришел в себя первым и бросился к Максусу, второй поспешил следом. Проворно сорвавшись с места, Макс побежал по дороге в сторону набережной. И парни, грубо отпихивая попадающихся на пути прохожих, помчались за ним.

Выбравшись из кафе, Артем, невероятно довольный, подошел к нам.

– Ну ты даешь! – Я подалась ему навстречу. – Очень круто! У них были такие глупые лица.

– Троллить вот таких уродов – одно из самых прекрасных занятий на свете.

От него веяло азартом и радостью.

Мое восхищение готово было выплеснуться через край. В ту минуту Артем представлялся мне защитником всех несчастных и униженных.

Однако в прекрасных карих глазах Вики читалось осуждение:

– Вообще-то это было неприятно. Тебе просто повезло, что они тебя не поймали.

– Но не поймали же.

– Скажи честно, ты это сделал, чтобы мальчику помочь или перед нами выпендривался?

– Конечно, выпендривался, – не моргнув и глазом, признал он.

– Так вот на будущее, – она толкнула его пальцем. – Мне такое не нравится.

Артем сделал вид, будто покачнулся:

– На какое еще будущее?

– На ближайшее.

– А как же Макс? – спохватилась я. – Вдруг они его догонят?

– Макса никто не догонит. Он лучший трейсер из всех, кого я знаю.

– Но так же можно серьезно нарваться, – недоумевала Вика. – Неужели вас никогда за такое не били?

Мы целенаправленно шли к выходу из парка.

– Конечно, били. Последний раз в больнице две недели провалялся, – понять, серьезно говорит он или нет, было сложно, но я догадалась:

– Плечо?

– Ага. Ключица и сотрясение. Со второго этажа летел.

– Как же так получилось?

Он рассмеялся:

– Не поверишь, я и сам не понял. Еще секунду назад стоял, с ребятами разговаривал, а потом чувствую – лечу.

– Они тебя специально толкнули? – удивилась я.

– Не толкнули, а выбросили, – снова засмеялся Артем. – Вся жизнь, Витя, сплошной экстрим... Каждый день как по минному полю ходишь.

– Ты же сам в это влез, – сказала Вика. – Зачем тебе проблемы?

Артем резко посерьезнел:

– Не проблемы, а адреналин. Только в нем, собственно, и есть хоть какой-то смысл.

– Что за смысл?

– Ты когда-нибудь думала, зачем живешь?

– Я тебе уже говорила, – не раздумывая, ответила Вика. – Хочу стать актрисой, уехать в Голливуд и прославиться на весь мир.

– И что это тебе даст?

Она посмотрела на него, как на умалишенного:

– Все.

– Это ты сейчас так думаешь. Но потом, когда поймешь, что это совсем не то, чего ты ожидала, тебе будет девяносто, и уже ничего нельзя будет изменить.

– А ты типа самый умный и знаешь, как будет в девяносто?

– Знаю, что тебе сильно повезет, если не помрешь раньше времени от передоза или пластических операций.

– Можно подумать, ты со своим адреналином долго проживешь! – не сдавалась Вика.

– Конечно, нет, но мои ожидания оправданны. Все происходит здесь и сейчас, а твои желания никогда не исполнятся, даже если исполнятся.

– Адреналин – все равно что наркотик, – вмешалась я. – С тем же успехом ты мог бы убеждать нас, что жить ради дозы – это и есть смысл.

– А с тобой, Витя, – он погрозил мне пальцем, – разговор отдельный. У тебя вообще везде тысячи смыслов. Только вот незадача – все сказочные.

– Но гонял ты их красиво, – признала я. – Как в кино.

Он хвастливо вскинул голову:

– Макс потом это видео на Ютуб кинет, вот тогда кино будет.

– Слушай, – тут меня вдруг что-то кольнуло. – Я недавно ролик видела, как двое ребят за машиной бегут. Смешной такой. «Ничего на свете лучше нету». Это случайно не вы были?

В ту же секунду Артем позабыл о препираниях с Викой и засиял:

– Что, понравился?

– Серьезно, вы?

– Забавная история вышла...

И он принялся увлеченно рассказывать, как они решили проучить одну чересчур капризную подругу.

Но я почти не слушала и все оставшееся время, даже когда мы встретились с покрасневшим, но радостным Максом, думала о таких поразительных совпадениях. Похоже, Вика была права: вероятно, жизнь хотела мне этим что-то сказать.

Глава 7

Когда на деревьях нет листьев, из окна моей комнаты виден двор, детская площадка, площадка для мусорных контейнеров и пешеходная дорожка. Чуть поодаль расположен высокий белый дом. Он стоит к нам торцом, и в ясные дни верхние окна и балконы сверкают так, будто солнце заперли внутри.

И на тонкие металлические бортики, огораживающие крышу, и на провода, тянущиеся к другим домам, прилетают голуби, в основном обыкновенные, серые, но иногда я вижу целую стаю прекрасных белых голубей, которые, прежде чем опуститься, описывают над крышей круг за кругом.

Однако прохожие птиц не замечают. И, если бы я шла в это время из школы, я бы тоже не видела их.

Только один раз маленький мальчик лет пяти, чья мама очень торопливо шагала в сторону метро, остановился, запрокинул голову и, увидев голубей, восторженно залюбовался ими. Женщина громко окликнула мальчика, но тот так и остался зачарованно стоять. Тогда она вернулась, грубо схватила его за руку и потащила за собой, даже не взглянув, что он там увидел.

В школе я не была всю неделю. И чувствовала себя от этого гораздо лучше. Маме, правда, пришлось намекнуть на температуру, несколько раз покашлять в трубку, и она сама настояла, чтобы я «высидела» дома недельку, а то и две.

Эля писала и звонила, но общались мы с ней мало. Она пребывала в своей затянувшейся болезни, я – в мыслях о новых знакомых, потому что после похода в парк Горького все пошло развиваться очень быстро. Вика торопила события, и никто не возражал.

Раньше я никогда не бывала в таких местах, куда обычно ходят с друзьями, но с появлением Вики все изменилось. Она таскала меня за собой повсюду, и не могу сказать, что мне это не нравилось.

На следующий день мы пошли в кино, а через два – в караоке-бар неподалеку от нашего дома. Это была идея Вики: уж очень ей хотелось блеснуть своими актерскими способностями.

Полумрак, неоновая подсветка, низкие мягкие диваны с подушками, покрытые стеклом столики, огромная плазменная панель, а под ней невысокая деревянная платформа – наподобие сцены.

Несмотря на будний день, свободное место мы нашли с трудом, потому что это было чуть ли не единственное развлекательное место в округе. И все мои одноклассники побывали там неоднократно, а неподалеку от нас я заметила тех самых ребят из соседней школы и девчонок из параллельного, на которых засмотрелась в магазине, перед тем как познакомиться с Викторией.

Уровень музыкальных способностей у присутствующих сильно разнился. Но отчего-то яростнее всего рвались к микрофону именно те, у кого этих способностей вовсе не наблюдалось. Репертуар тоже удивлял разнообразием. От военных песен и шлягеров пятидесятых до Басты, Нойза и Монеточки. Один солидный мужчина очень душевно пел Элтона Джона, трое мальчишек вразнобой, но убедительно проорали «Звезду по имени Солнце», девочки из параллельного класса долго и заунывно терзали Адель.

Наконец Вика созрела. Я заметила, что она немного нервничает, но виду старалась не подавать и обещала произвести фурор.

И, как оказалось, пела она и в самом деле здорово. Голос у нее был красивый, глубокий и на низких нотах пробирал до мурашек. Достоинно вытянув всю «Killing me softly», с высоко задранной головой и гордо выставленной вперед грудью, она под аплодисменты вернулась к нам.

– У тебя потрясающий голос, – признала я.

– Шикарно, – восхитился Макс.

– Во втором куплете нажала и последний припев задрала выше некуда. Слушать можно, но такое... – без тени иронии оценил Артем.

– Что? – Вика застыла, точно ее ударили. – Тебе не понравилось?

– Посредственно, – он раскинул руки на спинке дивана и смотрел на нее, запрокинув голову. – Но ты не переживай, остальные здесь еще хуже.

Пухлые губы Вики задрожали от обиды, как у ребенка. Она постояла, хлопая ресницами и не зная, что ответить, после чего плюхнулась на свое место и надулась.

– Зачем ты это говоришь? – вступилась я. – Вика отлично пела.

– Тот, кто собирается покорять Голливуд, обязан быть не просто лучшим в этом занюханном местечке. А безупречным, – переключился Артем на меня. – Она должна была «нежно убить их своим пением». Понимаешь? Чтобы они рыдали и сходили с ума, а не хлопали. Чтобы навек потеряли покой и сон, а не улыбались. Ты же ботаничка, Витя, кому, как не тебе, знать, как важно быть лучшим.

Иногда он говорил так, словно кто-то назначил его нашим родителем.

– Я учусь не потому, что хочу быть лучшей. Мне просто это хорошо дается.

– Дается ей, – ехидно фыркнул он. – Небось папа с ремнем над тобой стоит, чтобы давалось.

– Нет, конечно, – я представила папу с ремнем и рассмеялась. – Мне самой нравится учиться. Честно. Не знаю, почему никто не верит. Ведь все же люди рождаются для чего-то своего. Наверное, сбор и обработка информации – мое предназначение.

– Предназначение? – К выражению язвительной насмешки на лице Артема примешалось показное умиление. – А что это?

– Ну как? Это то, что отличает тебя от всех остальных. То, что делает тебя особенным. Единственным в своем роде, уникальным и неповторимым, как звезда на небе. То, для чего ты нужен этому миру. Только ты и никто другой. Не лучший, а особенный.

– Чем дальше, тем больше ты меня удивляешь! – Он как-то весь собрался: спина выпрямилась, локти уперлись в поверхность стола, взгляд будто пригвоздил меня к спинке дивана. – Неповторимых, как и незаменимых, нет. Есть только лучшие! И вся жизнь – бесконечная борьба за эти места, потому что если ты не лучший, то и смысла в тебе нет.

– А если я не умею петь, как Вика, и много чего еще другого не умею – это значит, что во мне нет смысла?

– Значит, нет. Значит, ты лузерша и лохушка, – бросил он нахально, осекся и, снова откинувшись назад, выжидающе уставился на меня.

Можно было, конечно, продолжать спорить и доказывать свою значимость и правоту, но мне вдруг стало смешно. Его задиристость не обижала. Напротив, меня внезапно охватило какое-то теплое чувство. Чувство безоговорочной симпатии, притяжения и нежности. Сложно сказать, от чего это произошло, но точно не от слов. Я доверяла своим глазам намного больше, чем ушам. И этот парень нравился мне все сильнее и сильнее. Вот поэтому я и расхохоталась: от того, что стало вдруг просто очень хорошо.

Артем тоже сразу засмеялся, с облегчением и радостью, словно только этого и ждал. И чем больше он смеялся, глядя на меня, тем смешнее становилось мне.

Наш глупый, беспричинный смех выглядел странно, и Макс с Викторией непонимающе смотрели на нас. Как если бы прослушали суть шуток и ждали, что им объяснят.

Так и не дождавшись комментариев, Макс демонстративно развернулся к Вике и попросил спеть Лану. Но Вика все еще дулась и ответила, что больше при них вообще ничего петь не будет. Тогда Артем обнял ее за плечи и примирительно сказал:

– Не обижаться нужно, а работать до посинения. Хочешь, я найду тебе преподавателя по вокалу?

– Правда? – Она тут же оживилась. – Ты можешь?

– Его опекун – музыкальный продюсер. И у него полно знакомых, – пояснил Макс. – Так споешь Лану?

Вика еще немного поотпиралась, но в конечном счете милостиво согласилась при условии, что вначале Макс тоже что-нибудь споет.

Она, хоть и просила меня его «отвлечь», сама постоянно привлекала. И для этого ей не нужно было делать ничего особенного. Она просто брала за руку, заглядывала в глаза, и сразу возникало чувство, будто принадлежишь ей целиком, от начала и до конца. Словно она знает про тебя все-все, даже самое плохое, но ни капли не осуждает. Было в ней нечто намного большее и глубокое, нежели просто красота. И как я могла от этого отвлечь?

Макс согласился петь. Артем тоже. И они тут же устроили неожиданное представление. Артем попросил меня выбрать им песню, но я не знала какую, и тогда он сказал, что уже придумал сам, а когда заиграли первые аккорды, я сразу поняла, что это. «Ничего на свете лучше нету, // чем друзьям бродить по белу свету. // Тем, кто дружен, не страшны тревоги...»

Но они не просто пели, они – выступали.

Очень слаженно, задорно, заранее зная, кто какие слова поет. Даже движения были отработаны. Артем изображал Трубадура, а Макс остальных музыкантов, они «ехали на повозке» и махали всем рукой. Голоса звучали чисто и уверенно.

Вика пребывала в полном восторге, я тоже. Да и все вокруг сильно развеселились.

От парней исходила такая неумная, заводная энергетика, что хотелось немедленно вскочить и начать танцевать. Девчонки из параллельного класса радостно запрыгали на диване, женщины за соседним столиком хлопали в ладоши, мальчишки, кричавшие «Звезду по имени Солнце», отстукивали ритм по столику.

Позже, когда парни вернулись к нам и Артем стал допытываться, кто из них был лучше, выяснилось, что это их детская постановочная сценка.

Он рассказал, что все детство обучался дома и никогда не ходил школу, а Макс ходил, но только до третьего класса, потому что потом его мать устроилась на работу в загородный дом родителей Артема, и детей стали учить вместе. Так вот, помимо учителей по основным предметам, у них был специальный педагог по театральному мастерству и еще один по вокалу. Потому что отец Артема был успешным и довольно известным композитором, и в их доме постоянно собирались люди искусства. Выступление же детей считалось обязательной частью развлекательной программы.

– Так кто был лучше? Я или Макс? – Артем требовательно посмотрел на меня.

Недавний разговор я помнила, но пели они действительно одинаково хорошо.

– Я плохо разбираюсь в этом.

– Нет, скажи, – настаивал он.

– Оба.

Макс победно подмигнул.

– Чушь, – возмутился Артем. – У котика даже образования музыкального нет. А у меня знаешь сколько дипломов?

– Конечно, ты пел лучше, – Вика бросила на меня такой взгляд, будто я совсем глупая, и развернулась к Артему: – Ладно, я тебя прощаю. Ты, наверное, знаешь, о чем говоришь.

– Если такая мелочь, как чужая болтовня, способна тебя задеть, – сказал он ей назидательно, – можешь сразу попрощаться со своими грандиозными планами.

– Ну хорошо. Спую я эту вашу Лану, только предупреждаю, что слов не знаю и могу запинаться.

– Ничего, – заверил Макс. – Запинайся сколько угодно, только пой.

Все то время, пока Вика пела, я внимательно следила за выражением его лица и не могла не видеть, как шансов «отвлечь» у меня становится все меньше и меньше, а когда она закончила, точка невозврата была уже пройдена.

После того как я перестала ходить в школу, каждый день постоянно был чем-то наполнен. Больше я не брала в руки учебники и книги, не смотрела фильмы и сериалы, у меня была лишь толстая синяя тетрадь на пружине, в которую я стала записывать все, что со мной происходило, свои мысли о Вике, соседях со второго этажа, о своих чувствах, ощущениях и планах. Не то чтобы я вела дневник, скорее, это был мой рассказ обо мне, как если бы я захотела взглянуть на себя со стороны.

Папа говорил, что в любом вопросе главное – выявить проблему, тогда решение найдется само собой. А чтобы выявить проблему, необходимо исследовать вопрос и провести анализ.

В клуб мы отправились в пятницу. И хотя у Артема была машина, поехали на метро, потому что ребята собирались пить до утра.

Всю дорогу мы смеялись и дурачились.

Макс заметил девушку с зелеными волосами, в длинном черном пальто и босоножках на голую ногу. Выставленные на всеобщее обозрение пальцы ног украшали длиннющие красные ногти.

Увидев ее, он ткнул Артема, а когда тот посмотрел, оба громко закатились на весь вагон.

– Давай ты подойдешь и спросишь, настоящие они или нет, – предложил Вике Артем.

– Скажешь, что хочешь себе такие же, – Макса накрыл очередной истерический приступ смеха.

– А слабо потрогать? – с вызовом бросила им Вика.

– Мне слабо, – признался Макс.

– А мне нет, – ответил Артем.

– Фу! Нет! Не вздумай, – на весь вагон закричала Вика. – Гадость же.

Девушка сидела с непроницаемым лицом, отлично понимая, что смеются над ней, но и бровью не повела. Очень странная девушка и жуткие, вампирские ногти на ногах.

– Ей, наверное, неприятно, что вы смеетесь, – тихо сказала я.

– Было бы неприятно, не делала бы такого, – отрезала Вика. – Она же понимает, что это ужасно.

– А может, не понимает или у нее есть причины?

Вика наклонилась к моему уху:

– Лучше молчи, а то все подумают, что ты такая же.

До места мы добрались веселые и взбудораженные. Сияющие фонари вечерней Москвы, отражаясь в асфальте, блестели, а воздух, наполненный нашими духами и радостью, казался упоительно сладким. И, хотя ничего особенного не происходило, во мне бродило предвкушение чего-то волшебного.

Из-за возраста в клуб меня могли не пустить, но проверять документы никто не стал. Мы сдали одежду и в полумраке спустились по крутой, едва освещенной голубоватыми огоньками лестнице.

Внизу музыка долбила так, что сердце тут же подхватило этот ритм. Станный, похожий на металлическую пластину пол ощутимо пружинил под ногами.

Вика, продираясь сквозь толпу, потащила Артема за собой. Он обернулся, помахал нам и через секунду исчез в движущейся массе.

– Пойду за пивом, – прокричал Макс. – Ты что будешь?

– Колу.

– Что? – Он обхватил меня за плечи и подставил ухо.

– Колу.

– Да брось. Давай возьму что-нибудь бодрящее?

– Ладно, – решила я. – Бери на свой вкус, а я тебе потом деньги отдам.

– Какое «отдам»? – Чуть отстранившись, он выразительно посмотрел, затем снова прильнул к уху. – Все включено в спонсорские расходы.

– Но это нехорошо. Артем и так за вход платил.

– Это хорошо. Он, пока не промотает родительские деньги, все равно не успокоится, – его дыхание защекотало шею, и я, рассмеявшись, невольно закрылась плечом, поэтому Макс больше ничего не сказал – просто ушел, а вернулся уже с пивом и большим стеклянным стаканом, наполненным прозрачной жидкостью, в которой на дне плавала какая-то зелень. – Мохито, – крикнул он.

От мохито пахло лимоном, мятой и еще чем-то пряным, а на вкус он оказался терпким и свежим. Очень приятным.

Какое-то время мы просто стояли, глядя на танцующих, пили и кидали друг на друга странные, осторожные взгляды. Разговаривать было невозможно.

Потом вдруг Макс сунул мне в руки свой недопитый стакан и, сказав: «Пойду поищу их», моментально исчез на танцполе.

Но только я успела упрекнуть себя за излишнюю зажатость, как музыка резко оборвалась и свет выключился. От внезапной тишины уши заложило. Однако постепенно из этой немой пустоты послышался слабый, едва различимый звук. Он приближался и нарастал. Высокий, электронный, чуть вибрирующий, по мере увеличения громкости становясь все объемнее и будто бы накрывая собой все вокруг. А потом в крошечной темноте мелькнул ослепительно-белый огонек. Сначала один, за ним другой. Множество белых светящихся точек стали вспыхивать то тут, то там по всему залу. Послышался восхищенный ропот и следом за ним точно так же, словно из ниоткуда, глухой ритм. Сначала тихо-тихо, осторожно, точно слабое биение сердца, затем все громче и громче, и уже вскоре мощная пульсация подчинила себе все огоньки. Они собрались вместе и рассыпались белыми звездами по всему потолку. Электронная волна прокатилась по залу, и звезды, покачнувшись, поплыли на ней. «Вечности нет», – раздался тихий искаженный шепот.

Единственное, что в этот момент связывало меня с реальностью, – ледящий пальцы холод стакана с мохито. Белые огоньки закружились безумным, нескончаемым хороводом, и, когда из них, рассекая пространство, вырвались ослепительные лучи, весь зал очнулся и пришел в движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.